

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

29

МЮНХЕН 1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Пирожкова. Заметки на пути</i>	1
<i>В. Кобылин. "Без козырей"</i>	2
<i>Конрад Лев. Ближе к стене позора и колючей проволоке, чем к конституции.</i>	4
<i>Г. Алексенко. Возникновение жизни на земле</i>	7
<i>Е. Кармазин. Экономические заметки.</i>	8
<i>Протоиерей Д. Константинов. Мюнхенский Институт</i>	13
<i>В. Пирожкова. Образ левого революционера</i>	21
<i>Д. Штурман. "Человечества сон золотой"</i>	28
<i>Р. Гуардини. "Если не будете как дети" (Глава VIII)</i>	38
<i>В. Кобылин. Тютчев (1803 — 1873)</i>	42
<i>В. Рудинский. Обзор зарубежной печати</i>	45
<i>Письмо в редакцию</i>	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 29

Июнь 1983

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

ЗАМЕТКИ НА ПУТИ

В конце октября прошлого года мне позвонил Александр Гинзбург и от имени редакции "Русской Мысли" попросил для этой газеты интервью. Я была в те дни очень усталой, но А. Гинзбург торопился, т.к. собирался снова покинуть Мюнхен, я же опасалась, что не всегда найду точные выражения для того, что хочу сказать. Но он успокоил меня, заверив, что перед печатью он мне текст интервью непременно пришлет, и я смогу исправить то, что было выражено в спешке не совсем удачно. Это заверение он мне дал еще по телефону. А когда мы встретились, А. Гинзбург рассказал мне, что этой журналистической этике он научился на Западе: все западные газеты присылали ему его интервью для проверки прежде, чем напечатать. Он сказал, что и он сам всегда так делает. Когда мы прощались, я спросила еще раз, могу ли я положиться на то, что интервью будет мне прислано перед тем, как оно будет отдано в печать. А. Гинзбург заверил меня еще раз, что я могу на это положиться.

В номере от 16 декабря 1982 г. мое интервью появилось в печати, но мне оно на проверку прислано не было. В интервью, которое в общем соответствовало тому, что я говорила, вкрались, однако, некоторые серьезные искажения. Так, было пропущено то, что я говорила о сотрудниках нашего журнала из второй эмиграции. Хочу указать здесь особенно на постоянного нашего сотрудника В. Рудинского и на позднее пришедшего в журнал ценного сотрудника о. Димитрия Константинова. Да и я сама из второй эмиграции. Под конец интервью мне в уста была вложена фраза, которой я не говорила и не могла сказать, а именно, что я хотела объединить новые, прибывающие силы, что мне и удалось, т.е. получалось, что наш журнал — это журнал исключительно третьей эмиграции. На самом деле я сказала нечто иное, а именно, что я хотела объединить антикоммунистов всех трех волн, что мне и удалось.

Я написала вежливое открытое письмо в редакцию "Русской Мысли" с исправлением этих ошибок и просила его поместить. Редакция его не напечатала и даже не нашла нужным мне от-

ветить. Также редакция перестала печатать рецензии на "Голос Зарубежья" и даже не нашла нужным сообщить о своем новом решении рецензенту, с которым была договоренность на рецензии. Он напрасно трудился над рецензиями. Грустно видеть, как советская антиэтика заползает в редакции эмигрантских изданий.

* * *

Сотрудник радиостанции "Свобода" Эдуард Кузнецов дал интервью израильской газете "Наша страна". Оно помещено в этой газете за 11.2.1983. В этом интервью Э. Кузнецов, между прочим, говорит следующее: "Не следует забывать, что на радиостанции подвизаются и те, кто бежал из России после Второй мировой войны, а до этого сотрудничал с немцами. И порой от передач отдает антисемитским духом". (Отметим, что израильская газета "Наша страна", в отличие от "Русской Мысли", поместила поправки Э. Кузнецова к интервью. Приведенное нами место Э. Кузнецов не изменил, так что следует считать, что он не отказывается от этой фразы.)

Вся фраза — одна сплошная нелепость, сказанная легкомысленно и без малейшей попытки подумать над сказанным.

1) России нет уже с 1917 г. Если люди бегут, то они бегут из СССР! У ряда представителей третьей волны (*мы подчеркиваем, что далеко не у всех!*) есть определенная тенденция ставить знак равенства между Россией как таковой и СССР. Это определенно антирусская тенденция, хотя Э. Кузнецов и заявляет, что его никто не может обвинить в антирусских тенденциях. Но поверим ему, что он просто не понимал, что говорил.

2) Кто же мог бежать из СССР после второй мировой войны? Разве что отдельные военнослужащие советской армии, находившиеся в Восточном Берлине, пока еще не была построена Берлинская стена. Некоторые бежали в самом деле, но они уж наверное не сотрудничали с немцами во время войны. Те, кто сотрудничал и остался на территории СССР, были

арестованы или расстреляны, или сосланы в концлагеря. Они после войны не служили в советской армии и уж ни в коем случае не находились на территории оккупированной Германии.

Может быть, на эту нелепую фразу не стоило бы и отвечать, но ясно, что Э. Кузнецов хотел лягнуть вторую эмиграцию, не те единицы, которые бежали после войны из советской армии, а те миллионы, которые бежали во время войны вместе с отступающей немецкой армией, т.е. всю вторую эмиграцию. Они, по мнению Э. Кузнецова, сплошь антисемиты и от Сталина бежали, вероятно, потому, что чрезвычайно любили Гитлера. Иначе от Сталина, конечно, бежать совсем не было причин! Но по кузнецовской логике получается, что все те польские евреи, которые бежали из немецкой зоны оккупации Польши в советскую и потом в СССР вместе с отступавшей в начале войны советской армией, были коммунисты или хотя бы прокоммунисты! Какая же у них была причина бежать от Гитлера, если не горячая любовь к коммунистической диктатуре? Такая логика Э. Кузнецова.

Ю. Марголин, попавший в Западной Белоруссии под советскую оккупацию, рассказывает в первой, по-русски, к сожалению, не опубликованной, части своей книги "Путешествие в страну зе-ка" о польско-еврейском поэте Максимилиане Брауне, который, попав под советскую оккупацию, перешел на ту сторону Польши, которая была оккупирована немцами, уж, конечно, не потому, что он был антисемитом или любил Гитлера. Он не вынес духовного давления в советской зоне. Он говорил Марголину: "Я совсем не рад, что сюда пришли советские войска, но должен повторять, что рад, по несколько раз в день; я должен аплодировать при упоминании имени Сталина; я должен переводить поэму Маяковского "Ленин" на польский язык; лучше я буду там, где большинство евреев, меня хоть не будут заставлять говорить, что я люблю Гитлера!" Браун погиб в национал-социалистическом лагере. Марголин его мнения не разделял, он остался в советской зоне оккупации, попал в советский лагерь и... выжил чудом! Не раз он был на краю смерти. Многие не выжили. Тогда,

когда диктаторы разделили между собой Польшу, рассказывался такой горький анекдот: диктаторы поспорили из-за одного города в Польше и решили, в виде исключения, поставить на голосование жителей, под какую оккупацию они хотят. Один из жителей встал и сказал: "Я еврей, я фабрикант, Гитлер для меня — смерть, советская власть — тюрьма, я за советскую власть!" Но какой-нибудь известный антикоммунист мог выбрать и немецкую оккупацию, не потому, что он был антисемитом или приверженцем национал-социалистической идеологии, а потому, что у него было так больше шансов выжить. Были среди миллионов бежавших и антисемиты, но большинство таковыми не было, а бежало просто в страхе и ужасе от "родной" советской власти, от Сталина, — бежали, куда глаза глядят, все дальше на Запад, в надежде попасть под американскую, английскую или французскую оккупацию.

Сколько презрения к человеку нужно иметь, чтобы походя бить тех, кто пережил трагедию быть "зажатыми между Сталиным и Гитлером", как сказала Надежда Мандельштам, глубоко думавшая и глубоко человеческая женщина. Э. Кузнецов наслушался советской пропаганды и повторяет ее, не дав себе ни секунды труда задуматься над тем, что было на самом деле. В том же интервью он сказал, что одним из мотивов для него поступить работать на "Свободу" было желание купить собственную квартиру. "Сколько можно жить в арендованной квартире, хочется купить свою в Израиле..." А мы, ах, такие "злые антисемиты" из второй эмиграции, живем десятилетиями на арендованных квартирах, отдавая каждый лишний грош на борьбу против коммунизма. Может быть, Э. Кузнецов прочитает это и спросит: "Ну что ж, победили коммунизм?" Нет, увы, не победили, но внесли свою лепту в то, что есть еще силы сопротивления, и, может быть, и в то, что существует "Свобода" и что Э. Кузнецов может зарабатывать, работая там, на собственную квартиру. Может быть, ему и не мешало бы пожить на арендованной до тех пор, пока он не научится различать между советской пропагандой и исторической правдой.

В. КОБЫЛИН

"БЕЗ КОЗЫРЕЙ"

Свыше десяти лет идет крупная игра между "Востоком" и "Западом". С обеих сторон были разыграны козыри, и, надо сказать правду, до сих пор "Восток" был в явном перевесе.

Открыл игру "Запад". Тогдашний прези-

дент Никсон начал с пресловутого "детанта" (успокоения, ослабления напряжения), причем предполагалось, что успокоение будет происходить с обеих сторон не только на словах, но и на деле. Что же произошло на самом деле?

Игра велась "краплеными" картами, то есть "Запад" проводил эту новую политику на деле, в то время как "Восток" — на словах, а на деле продолжал количественное и качественное увеличение своего военного потенциала в размерах, не существовавших во время "холодной войны".

Три администрации Соединенных Штатов: Никсона, Форда и Картера — привели к такому положению, что Советский Союз оказался в явном и значительном превосходстве во всех категориях военного потенциала, включая ядерное оружие.

Выборы новой администрации в конце 1980-го года закончились победой консерватора, республиканского кандидата Рональда Рейгана, который открыл глаза "среднему американцу" и показал ему, что из себя представляет национальная оборона Штатов. Но еще при Картере Конгресс отказался ратифицировать Salt II, то есть соглашение между СССР и Соединенными Штатами, которое закрепляло уже совершенно явное превосходство военных сил СССР.

Новый секретарь национальной обороны Каспар Вайнбергер, не в пример своим коллегам по предыдущим администрациям, доложил президенту, что в настоящее время вся оборона Соединенных Штатов не только уступает и в качестве, и в количестве советскому военному потенциалу, но нуждается в скорейшей и эффективной модернизации, без которой и конвенциональное, и ядерное вооружение Штатов приведет в случае серьезного конфликта с Советским Союзом к неминуемому поражению.

Президент Рейган отдал сейчас же распоряжение приступить к подсчетам и выработке эффективной военной программы. Советы всполошились и поняли, что прошли "золотые дни Аранжуэца". Но тут Советы начали разыгрывать свой новый козырь — "замораживание" status quo в ядерном вооружении и снижение некоторых видов регулярного, то есть конвенционального.

Но что сейчас представляет собой status quo?

Это весьма любопытная вещь. Во время картеровской администрации в отношении увеличения военного потенциала не было предпринято буквально ничего. А в то же время Советы наращивали свои силы как регулярные, так и термоядерные. Если сравнить силы Варшавского пакта с таковыми же Атлантического, то выходит, что в некоторых категориях Варшавский пакт превосходит Атлантический в четыре (!) раза, а вообще ни в одной категории нет паритета. Что же касается атомного вооружения, то Советы вблизи границ стран Западной Европы установили спокойно 300 своих ракет с атомными боего-

ловками, нацеленными на стратегические цели Запада, в то время как у НАТО нет ни одной такой ракеты. И это произошло параллельно с такими событиями, как оккупация Афганистана, появление "братского" режима сандинистов в Никарагуа и "стабилизация" положения в Польше. А Картер в это время с самозабвением произносил тирады о "гражданских правах"!

Когда же президент Рейган заговорил о размещении ракет "Першинг" и тактических ракет с "нейтронными" боеголовками в странах Западной Европы, чтобы уравновесить присутствие 300 советских ракет, о которых было сказано раньше, Советы сразу обеспокоились и повели свое "мирное наступление". Почему? Дело в том, что ракеты с "нейтронной" боеголовкой мало разрушают здания, но убивают все живые организмы, так как излучения от их сравнительно слабого взрыва проникают через броневую защиту танков и других боевых машин. Фактически эти ракеты являются самым эффективным видом оружия для отражения бронетанковой атаки Советов, так как в густо населенных местностях Западной Европы разрушение городов привело бы к катастрофическому положению, а употребление нейтронных боеголовок чрезвычайно устроило бы командование сил НАТО, так как была бы поражена живая сила советского агрессора. И тут началось "мирное наступление" Советов. Андропов заявил, что Советы уменьшат количество своих ракет с 300 до 162-х, если Америка откажется от размещения ракет МХ в Западной Европе. Нетрудно увидеть, что предлагаемая мера сохраняет превосходство Советов в полной мере. Администрация Рейгана это, конечно, отклонила. И, в свою очередь, предложила "нулевой проект", по которому американцы откажутся от размещения своих ракет в Европе, если Советы уберут свои ракеты со своих позиций. "Апостол мира" Андропов немедленно от этого отказался. Советы продолжают настаивать на "замораживании" настоящего положения, что дает явное превосходство советским силам в Европе. Надевая на себя личину "миротворцев", Советы удачно ведут свою "мирную" акцию и имеют успех среди европейских пацифистов. Излишне говорить, что эти последние находятся среди социалистов и так называемых "зеленых" (крайних экстремистов) в Западной Германии и прочих "либералов" разных толков. Перед мартовскими выборами в Западной Германии создалось чрезвычайно напряженное положение. Кандидат на пост бундесканцлера от социал-демократической партии Ханс-Йохен Фогель отправился по приглашению в Москву, где происходили "дружеские встречи" с советским генсеком и Громыко. В случае победы социал-демократов предполагалась коалиция последних с "зелены-

ми", что чрезвычайно осложнило бы положение как в самой Германии, так и в Западной Европе.

Но на выборах одержали победу христианские демократы, и бундесканцлер Коль остался на своем посту, что делает возможным — в случае недоговоренности в Женеве в американо-советских переговорах по поводу сокращения атомного оружия — в конце текущего года размещение ракет "Першинг-2" в странах Западной Европы, являющихся членами НАТО.

Но Советский Союз надеется на свою пропаганду как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах. Советский Союз использует беспокойство западноевропейских стран в отношении атомного оружия. Советский шантаж имеет известный успех в Европе: появляются то тут, то там протесты против американских "стремлений к военным осложнениям".

В Соединенных Штатах есть особая категория людей, которые называют себя "либералами" и которые часто поддаются под влияние крайне левых элементов, включая коммунистов. Они тоже, как и в Европе, устраивают демонстрации в пользу пресловутого "замораживания". Все это идет на руку Советам. Самое интересное произошло совсем недавно. Один из сенаторов заявил, что администрация Рейгана нарушает "волю народа", которая, дескать, требует замораживания ядерных средств поражения и возврата к мирной политике. Это заявление сенатора подхватила советская печать и начала кампанию против "нарушений народной воли". Так и говорят! Вы представляете себе Советы, которые пекутся о нарушении народной воли Америки?! Получается, что американские законодатели в трогательном единодушии с Советами выступают против совершенно необходимого обеспечения

как Западной Европы, так и Соединенных Штатов от советской агрессии.

Президент Рейган на одной из недавних пресс-конференций заявил, что движение за замораживание ядерного оружия нужно только Советскому Союзу и что замораживание усилит опасность войны.

Пацифизм — это оружие Советов, к которому они прибегают, обманывая этим западные страны.

Видя, что их выступления "за мир" не имеют большого успеха в Соединенных Штатах, Советы перешли к угрозам. Небезызвестный Георгий Арбатов, директор Института по изучению Соединенных Штатов и Канады при Академии наук, написал совсем недавно в "Правде" статью, в которой в угрожающем тоне заявил, что в случае размещения американских ракет в Западной Европе Советский Союз оставляет за собой право размещения советских ракет вблизи американских границ. В "Нью-Йорк Таймс" было помещено интервью с начальником советского Генерального Штаба маршалом Огарковым, который заявил то же самое.

Политические обозреватели полагают, что Советы имеют в виду Кубу, когда говорят о размещении своих ракет "вблизи американских границ". ТАСС поместил также сообщение о предполагаемых мерах Советского Союза, буде американцы все же разместят ракеты "Першинг" в Западной Европе.

В общем, политика "кнута и пряника" со стороны Советов продолжается. Стремление Советского Союза к тому, чтобы Соединенные Штаты в крупной игре с ними остались без всяких козырей, должно получить соответствующий отпор. Это является первоочередной и самой важной задачей политики западного мира.

Конрад ЛЕВ

БЛИЖЕ К СТЕНЕ ПОЗОРА И КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКЕ, ЧЕМ К КОНСТИТУЦИИ

(К столетию со дня смерти Карла Маркса)*

Карл Маркс мечтал о большом едином германском Рейхе. В 1866—71 гг. произошло объединение в малых рамках. В 1919 г. Германия была ампутирована. В 1945 г. разделена. Оба германских государства, которые, согласно решению конституционного суда, представляют собой германский Рейх, поддерживают, правда, между собой отношения, но подчеркивают

одновременно глубокую пропасть, их разделяющую. И пропасть существует действительно. Она бросается в глаза каждому, кто приближается к границе между этими двумя государствами. Прославленный в ГДР лирик Гельмут Прейслер показывает ее нам во всей ее чудовищности и неестественности:

"Товарищи, мы обещаем, никто не пройдет! Ни поджигатели — в нашу заново строящуюся страну, ни соблазненные — в их светящееся болото. Мы защищаем самоубийц от их поступ-

*"Die Welt" от 12. 3. 83. Перевод с нем. В. Пирожковой.

ков. Товарищи, мы обещаем, никто не пройдет! Мы выискиваем подрывающих мышей, сдерживаем атаки. Плотина устоит против черно-коричневого потока. Мы клянемся: никто не пройдет, это обещано, товарищи!" (Стихи переведены прозой).

Здесь — "светящееся болото", "черно-коричневый поток", там — "строящаяся страна", называющая себя марксистской. 1983 год объявлен там годом Маркса и там не устают хвалить его "великие дела". Но того же самого Маркса почитают и многие "поджигатели", например, в центре "черно-коричневого потока", в городе, где родился Маркс, — Трире, в земле Рейнланд-Пфальц. Что нам думать обо всем этом?

Оба государства имеют конституцию, и в обеих конституциях мы находим нормы, которые, по мнению их составителей, имеют абсолютное значение. Надо посмотреть, нормы какой из конституций ближе к тому, что высказал Маркс.

Конституция Федеральной Республики запрещает когда-либо отменить то, что записано в статьях 1 и 20 конституции. В статье 1 стоят нерушимые права человека. Содержание статьи 20 можно охарактеризовать как "правовое государство", "демократия", "социальное государство". Посмотрим, что Маркс говорил по поводу всего этого!

1. Достоинство человека. Статья 1, параграф 1 выражает убеждение, что а) человек является личностью, несущей этическую ответственность; б) человеческая натура имеет постоянные признаки, так что человек античного мира не был иным, чем современный; человек в Азии не иной, чем в Европе; в) государство, коллектив существуют для человека, а не человек для государства.

А как относился Маркс к этим вопросам?

Согласно его учению, бытие человека зависит от способа производства. Во многих местах его сочинений можно прочесть следующее: не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Так, человек в капиталистическом обществе не может быть альтруистом, а в социалистическом — эгоистом, или, если говорить собственными словами Маркса, "коммунизм потому непонятен нашим святошам, что коммунисты не противопоставляют эгоизма жертвенности или же жертвенности эгоизму и теоретически не высказывают этой противоположности, ни спокойно, ни восторженно как некую идеологическую форму, но они вскрывают материальные корни эгоизма, с уничтожением которых исчезнет и он. Коммунисты вообще не проповедают морали... Они не предъявляют людям моральных требований: любите друг друга, не будьте эгоистами и пр."

По Марксу, стало быть, человек в основном детерминирован. Буржуй не может заглянуть за край горизонта его узких классовых интересов. И все человечество влечено в непрерываемую волю туманной безличной истории.

2. Права человека. Торжественными, полными содержания словами подтверждает западно-германская конституция права человека. "Немецкий народ признает поэтому нерушимые, неизменяемые права человека..." Об их происхождении конституция умалчивает*. К их сущности относится то, что они существовали до государства и имеют надгосударственную ценность. Они ставят границы суверенности государства. Государственная власть не смеет все решать по-своему, т. к. и она может быть неправа.

Если Маркс говорит о "правах человека", то всегда в кавычках, по крайней мере, по смыслу. Права человека не находят места в его мышлении, так же, как справедливость или несправедливость, обязанность или право. Рабство не было несправедливым. В марксистском историческом материализме нет места для ненарушимых прав человека. Все духовное, так думает Маркс, в конце концов зависит от способа производства, и с его изменением изменяются также представления об этике и праве.

3. Правовое государство. Твердо установленный в статье 20 конституции правовой порядок включает в себя три элемента: 1. Все государственные органы связаны правовым порядком, они не смеют действовать произвольно. 2. Осуществляется разделение властей. Гарантировано нелицеприятное судопроизводство.

Ни один из этих элементов правового государства не стоял в программе Маркса. Как мы уже упоминали, Маркс считает, что воля истории делает несущественными все нормы, которые ей противостоят. Кто подчиняется воле истории, тот всегда прав.

4. Демократия. В глазах друга Маркса Энгельса германский рейхстаг был лишь "клубом дебатов", и он находил очень милым то, что многие начинают разочаровываться в парламентаризме. В другом месте он говорит о "парламентской болезни" и "парламентском кретинизме". И сам Маркс выражается не менее ясно. В одном из своих писем он пишет, что парламентаризм сделал социалистов (последователей Лассалья**) ослами. Дальше идет речь о "парламентском идиотизме".

*Их гарантия лежит, конечно, в Боге, так же, как и их происхождение. Но об этом молчит конституция. (Прим. пер.)

**Фердинанд Лассаль, лидер социалистов (1825—1864).

Трудно яснее выразить презрение. Высказывания в пользу парламентаризма мне нигде в произведениях Маркса и Энгельса не встречались.

Диктатура же пролетариата, социалистическая структура власти описывается Марксом и Энгельсом весьма наглядно:

“Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников...”

Маркс, стало быть, был совсем не за свободное демократическое государство в смысле нашей конституции.

Посмотрим, с каким правом ссылается на Маркса конституция ГДР. Углубленное исследование невозможно сделать в короткой статье. Здесь труднее сделать и отбор важного, чем в западногерманской конституции. Вся статья 18 посвящена “основам социалистического общественного и государственного порядка”. Но и тут выбор может быть субъективно-произвольным.

Важнейшим основанием восточной конституции является **однопартийное государство**. Как думал Маркс об этом? Как уже выше показано, он хотел как можно скорей заменить демократию “диктатурой пролетариата”. Он, стало быть, не был другом нашего партийного плюрализма. Правда, в “Коммунистическом манифесте” стоит: “Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение”.

Но дальше подчеркиваются два “преимущества” коммунистов:

“Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения”.

Значит, все же:

а) коммунисты составляют особую силу в пролетарском движении;

б) они по своему прозрению далеко оставляют за собой весь остальной пролетариат (Маркс часто говорит о “гордости коммунистической безошибочности”);

в) они, стало быть, не стоят на одной ступени с остальными пролетариатом.

Интересно, что Каутский в свое время не

остановился перед прямым искажением этих мест Манифеста, чтобы выставить Маркса и Энгельса плюралистами. “Они только требуют, — писал он, — чтобы их последователи внутри партии рабочего класса старались развить прозорливость в ход развития”. Но в тексте не стоит, что они должны стараться ее развить, а стоит, что они ее имеют! Соответственно Маркс подозревал и старался подавить все другие конкурирующие направления. Его формулировки напоминают более поздние ругательства сталинистов по адресу “троцкистов”, “сектантов”, “ревизионистов” и “титовистов”. Тот, кого Маркс уже тогда так бранил, должен был радоваться, что у бранящегося не было еще в руках государственной власти.

“Жалкие обманщики народа, — читаем мы у Маркса, — так называемый Центральный комитет европейской социал-демократии, на самом деле — комитет европейской центральной черни под руководством господ Виллиха, Шаппера и др.” Двадцать лет спустя после этой канонады он называет последователей Лассалля “кликой”, “организацией сектантов” без права на существование, враждебной “истинному рабочему движению”.

2. Социалистический гражданин. “Человек стоит в центре всех усилий социалистического общества и его государства”, стоит в статье 2 конституции ГДР. Если мы откинем слово “социалистический”, то это соответствует тому, что говорится о достоинстве человека в нашей конституции. Но официальная интерпретация сейчас же превращает эти красивые слова в их противоположность. Центр всех стараний — это вовсе не конкретный человек: он, ты, я, — но лишь “социалистический гражданин”, что весьма подчеркивается. Если уже “гражданин данного государства” является ограничением, противоречащим идее человечества (иностранец тоже должен быть предметом заботы), то уж слово “социалистический” исключает из этих стараний всех, кто не согласен идти на поводу официальной идеологии. Стало быть, только тот, кто не является независимой личностью, может быть социалистической “личностью”.

Возможно, что Маркс не вступил бы в наше время ни в какую партию, в том числе и в социалистическую, “марксистскую”, но, с другой стороны, все говорит за то, что он, как лидер партии, уважал бы только “социалистического”, “марксистского”, т. е. следующего за ним человека. Конкретных людей своего окружения он не ставил ни во что, если только они не были готовы безоговорочно преклоняться перед его личностью и его идеями. Все время он употребляет по отношению к людям, ничего ему не сделавшим, выражения “дураки”, “чернь”, “псы”, “мужичье дурачье”, “получеловеки”, “человеческий мусор”, “дряни”. Он требовал полного подчинения себе. Одного

признания социализма было недостаточно. Можно было бы привести еще много подтверждений этому, но и сказанного достаточно. Карл Шурц, хорошо знавший Маркса, говорит: "Никогда я еще не встречал другого такого arrogantного* человека. Ни к одному мнению, которое бы значительно отличалось от его собственного, он не прислушивается внимательно. С каждым, кто ему возражает, он обращается неприкрыто презрительно. На каждый аргумент, который ему не нравится, он или отвечает злой насмешкой над игнорантностью возражающего, или же, еще хуже, высказывает подозрения относительно мотивов возражения". Из писем Маркса: "Воздух должен быть очищен от вони группы Лассалья, которую они оставили после себя; я пошел в эту группу и донес на прохвостов, так что Вебер был выкинут вон".

3. Социалистическое владение средствами производства. Классики социализма и коммунизма мало писали о социалистическом хозяйстве и обществе, а если и писали, так это выглядело как весть о наступлении рая. Я ограничусь тремя цитатами из главного произведения Маркса "Капитал", несостоятельность которых ежедневно демонстрирует социалистическое хозяйство. Сначала гимн механизации как таковой: "Так как механизация как таковая сокращает рабочий день, а в капиталистическом хозяйстве его удлиняет, сама по себе облегчает работу, а в капиталистическом хозяйстве усиливает ее интенсивность, сама по себе является победой людей над природными силами, в капиталистическом же хозяйстве подчиняет человека природным силам, сама по себе обогащает производящего, а в капиталистическом хозяйстве делает его нищим и пр., — то обобществление необходимо". Но, как мы видим, обобществление или, точнее, огосударствление, дало пункт за пунктом обратные результаты. Мы видим в Восточной Германии, несмотря на более длинный рабочий день, заработную плату более чем на 50% меньшую, чем в Западной Германии.

Затем Маркс описывает простоту хозяйствования в доисторическом обществе на при-

*Нетерпимого.

мере Робинзона. Так же бесппроблемно будет, по его утверждению, хозяйствование в социалистическо-коммунистическом обществе. "Представим себе, наконец, для разнообразия союз свободных людей, которые работают с обобщественными средствами производства и каждый из которых воспринимает свою отдельную рабочую силу как общественную рабочую силу. Все условия работы Робинзона здесь повторяются, только общественно, а не индивидуально. Все продукты Робинзона были его собственные продукты, а потому использовались им непосредственно. Общий продукт союза — это общественный продукт... Отношения людей к их работам и их продукции остаются простыми и прозрачными как в производстве, так и в распределении". Между тем, специалисты говорят, что всех компьютеров мира не хватило бы, чтобы согласовать между собой детали плана, необходимого для успешного функционирования огосударственной экономики!

Под конец упомянем то место из Маркса, где он бичует ранний капитализм и пишет, что некоторые его грехи теперь (то есть во времена Маркса) уже в прошлом. "Раньше капитал в Англии накладывал руку на свободного рабочего, как ему хотелось. Так, в 1815 г. пролетариям, работающим на машинах, было запрещено эмигрировать под угрозой тяжелого наказания". Но, смотри-ка, в марксистской экономической системе вернулось то, что было самым отвратительным в раннем капитализме, и стало постоянным положением: запрет для рабочих эмигрировать и продавать свою рабочую силу там, где за нее больше платят.

Маркс ожидал от обобществления производства истинных чудес. Держался ли бы он все еще и теперь за эту догму, мы не знаем. В противоположность Энгельсу, Маркс никогда не признавался в своих ошибках.

Но если мы посмотрим на факты, мы должны признать, нравится нам это или нет, что Маркс гораздо ближе к ключевой проволоке и стене позора, чем к границе, на которой стоит Федеративная Республика Германия. Так называемая ГДР — страна гораздо более марксистская, чем думают многие.

Г. АЛЕКСЕЕНКО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

"НАСТОЛЬНАЯ КНИГА АТЕИСТА" (М., 1975) — объемистый коллективный труд. Авторы — доктора и кандидаты философских наук. В предисловии указано, что цель произведения — атеистическое воспитание масс. На

стр. 395 читаем: "Научное мировоззрение с неизбежностью (?) опирается на объяснения действительности с позиций разума".

Казалось бы, что при таком подходе авторы могли б ознакомить читателя с марксистским

объяснением "с позиций разума" такого важного явления, как возникновение жизни на земле. Однако они от этого уклоняются. Происходит это, вероятно, потому, что предписанная им цель — не образование, а, согласно их же заявлению, воспитание масс. Признавая законы, организующие живую и мертвую материю, они ничего не говорят о плане мироздания. А ведь признаваемые ими законы безусловно подтверждают наличие плана. Без этого изумительно рассчитанного, бесконечно сложного плана не была бы возможна та гармония, на которую авторы справедливо указывают. Наступил бы хаос, исчез бы порядок, а с ним и жизнь.

О необходимом для развития жизни гениальном порядке находим интересные мысли у академика А. Опарина, который, говоря о химических реакциях, сообщает нижеследующее: "Они (хим. реакции) протекают здесь не случайно, не хаотически, а в строго определенной последовательности. Принципиально отличает живые организмы от явлений неорганического мира и особая, присущая жизни направленность, закономерность указанного выше порядка. Многие десятки и сотни тысяч химических реакций, совершающихся в живой протоплазме, не только строго согласованы между собой во времени, но только гармонично сочетаются в едином порядке, но и весь этот порядок обуславливает самообновление и самосохранение всей живой системы в целом в данных условиях внешней среды" (см. "Как произошла жизнь на земле", "Комс. правда", 13/8/54).

Дальше этого академик Опарин, разумеется, не идет. Ведь нельзя же, в самом деле, писать в "Комсомольской правде" о бесконечной гениальности законов мироздания! Об этом не должны упоминать не только советские академики, но и те эмигранты, которые по ряду причин не смеют больше "оскорблять внутреннее чувство конструктивных сил правящего слоя".

Тем не менее, поразительная точность организации Вселенной заметна повсюду. Так, на-

пример, планеты (мертвая материя!) мчатся с космической скоростью и безупречной пунктуальностью миллиарды лет, а человек (разумное существо!) рискует жизнью всякий раз, когда садится в автомобиль, не говоря уже о самолете.

Если сказать (как это делает запуганная и поработанная Академия наук СССР), что жизнь возникла случайно, благодаря серии "объективно-творческих" совпадений — то сколько же миллиардов безупречно организованных совпадений для этого понадобилось?.. Суть дела здесь в том, что когда миллиарды случайностей и совпадений порождают гениальный порядок, то это уже не случайности и не совпадения, а законы, которые признает и "научный" атеизм.

Законы — это, разумеется, не какие-то фантастические или волшебные, таинственным образом присущие материи свойства, а правила, т. е. идеи, устанавливающие и регулирующие определенный порядок.

Но откуда же появились идеи? Ведь не человек же вычислил, например, как Земля должна двигаться вокруг Солнца? Человек только открыл это, причем недавно (Коперник в 1543 году), после того, как в природе это движение уже происходило миллиарды лет. Таким образом, гениальный человек постиг эту тайну только теперь, а мертвая материя — миллиарды лет тому назад. Почему?

Неужто следует верить "великим ученым" (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и т. п.) и считать, что гениальность нужна только для того, чтоб объяснить сущность Вселенной и развитие в ней жизни, а для возникновения Вселенной и создания законов (т. е. плана ее развития) никакого разума не требовалось?

Нельзя утверждать наличие следствий без причин, так же, как невозможно, не впадая в противоречие, признавать наличие законов, отрицая законодателя. В связи с этим возникают вопросы: кто организовал материю? Кто создал план? Кто Тот Великий Законодатель, без Которого не было бы законов развития жизни, а следовательно, и самой жизни?

Печатается в порядке дискуссии*

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По страницам зарубежных журналов)

* * *

В журнале "Внутренние противоречия" № 1 за 1981 год опубликована статья И. Бирмана о советской экономике "Противоречивые противоречия". Статья оставляет смешанное впечатление.

Прежде всего хотелось бы отметить, что ряд важных замечаний автора являются почему-то неполными и неточными. Вот, например, И. Бирман замечает, что "советская статистика несколько подвигает не в свою пользу, хотя и не нарочно, т. к. рассчитывается по валовой продукции, которая не очищена от

*Окончание. Начало в №28.

повторного счета". Странно, что автор не упомянул, что еще постановлением 1979 г. была введена чистая продукция, очищенная от этого повторного счета материалов, уже засчитанных в выпуск на других предприятиях. Вот, далее, И. Бирман сравнивает советское и американское строительство новых жилищ, но не отмечает, что значительная часть советских жилищ строится на Севере и Востоке (так что этим не обеспечивается жилищный кризис) и не указывает на гораздо более низкую, чем американская, обеспеченность советского населения уже имеющимися жилищами. Еще автор утверждает, что по идеологическим причинам учиться в институты тяжелой промышленности идут лучшие, а пищевой и текстильной промышленности — худшие, и забывает упомянуть, что зарплата инженеров в тяжелой промышленности гораздо выше, чем в легкой.

Вот затем автор указывает, что, "проводя к концу 1965 г. реформу, власти прежде всего были озабочены ликвидацией деления обкомов и восстановлением министерств". Но деление обкомов на промышленные и сельскохозяйственные было ликвидировано еще в ноябре 1964 г. Вот далее И. Бирман пишет, что главной причиной организационных метаний Хрущева была не попытка борьбы с аппаратом, а искренняя надежда поправить дело. Обе эти причины весьма сомнительны, т.к. автор пропустил одно слово: если сказать — борьба со **сталинским** аппаратом, то дело станет яснее.

Еще И. Бирман утверждает, что система цен в СССР нелепа, доказывая это тем, что советское население платит за квартиры 2 млрд. рублей в год, а за сданную винно-водочную и молочную посуду получает 8 млрд. рублей в год. Верно ли это — неизвестно, т.к. расчетов автор не приводит. Однако ряд ошибок можно сразу заметить. Во-первых, автор утверждает, что если изменить систему цен, то многие предприятия немедленно станут убыточными. Однако предприятия работают по оптовым ценам, а цены на квартиры и бутылки — розничные, так что тут получается подтасовка доказательств. Во-вторых, автор незаметно упускает, что посуда многократно возвращается (молочная — 365 раз в год), так что тут имеет место громаднейший повторный счет (семья тратит 15 копеек в год как залог за одну бутылку — это все ее расходы на молочную посуду).

Вот еще случай: И. Бирман считает, что рост советской экономики практически прекратился, что возможностей для нового роста нет и, вероятно, объем производства начнет снижаться. Верно ли это — установить пока невозможно. Но можно выдвинуть одно предположение. Почему Сталин начал свой чудовищный "год

великого перелома" в конце 1929 года, а не раньше — ведь съезд коллективизации прошел еще в 1927 году? Не потому ли, что именно осенью 1929 года в США произошел невероятный взрыв кризиса, и Сталин решил, что на фоне миллионов западных бедняков не заметят миллионы советских трупов? Точно так же нынешний слабый рост экономики СССР может быть увязан с нефтяным кризисом и инфляцией, бушующими на Западе уже 9 лет.

Наконец, еще один странный случай. И. Бирман рассказывает, что Хрущев в августе 1964 года "повелел назначить несколько комиссий для разработки предложений об экономических реформах". Автор сообщает, что он оказался членом одной из таких комиссий, которая представила свой проект в марте 1965 г. Как можно было при этом не упомянуть (или не знать?), что еще в декабре 1964 г. был утвержден один из этих проектов — т.н. "система прямых связей"?

С другой стороны, следует отметить ряд верных и достаточно глубоких замечаний автора. Так, И. Бирман указывает, что индустриальная "перестройка советского народного хозяйства, в результате которой лишь четверть промышленной продукции идет для потребления людей, не вызывалась реальной экономической необходимостью. Сложившиеся пропорции являются следствием пренебрежения советских правителей к нуждам собственного народа... Тут также и тот поразительный факт, что в СССР создано довольно много важного и нужного в науке и технике относительно военной сферы и тяжелой промышленности и буквально ничего в сфере обеспечения повседневных потребностей людей. Вся бытовая техника, все создающие удобства людей вещи были изобретены и впервые применены за границей". Автор также замечает, что страшное падение жизненного уровня во время гражданской войны "произошло не в результате военных действий и прямых разрушений, а из-за практического паралича хозяйственной жизни" (военный коммунизм). И. Бирман справедливо полагает, что "Хрущев — так тот просто старался, чтобы люди жили получше" (мы можем вспомнить резкое повышение пенсий, зарплаты, строительство жилья, импорт потребительских товаров). Автор напоминает далее, что "либерализация управления экономикой отнюдь не обязательно означает либерализацию политического режима. Экономики гитлеровской Германии и фашистской Испании были весьма децентрализованы, не говоря уже о том, что в Югославии власть правящей элиты отнюдь не поколеблена".*

* Прим. ред.: по нашему мнению, недопустимо смешивать тоталитарные режимы с франкистской Испанией. Как написал Илья Эренбург еще 20 лет на-

Весьма удачно сформулировано также мнение автора, что "учреждение в СССР чисто капиталистической экономики — явная утопия... Нет реальных путей перехода к ней, создания в стране капиталистов, ибо (это многие забывают) капиталистическая экономика без капиталистов представляет собой нонсенс".

Что же касается соображений автора о введении своего рода рыночной системы в СССР, то их разбирать невозможно, т. к. они высказаны скороговоркой. Так же двумя словами отделяется автор от экономических реформ 1965 и 1979 годов, замечая, однако, что "режим довел страну до грани экономической катастрофы, и если немедленно самые радикальные меры не будут предприняты, в стране наступит экономический хаос, за которым придет трагические политические последствия".

Трагические не только и не столько для режима, нам о нем нечего беспокоиться, сколько для страны, для людей".

Я полагаю, что эта, безусловно, благонамеренная фраза относится все же к другому ведомству — сатиры, а не экономики. Поэтому, как цитированные рассуждения самого И. Бирмана, так и литературные реминисценции заставляют не сомневаться в том, что трагические для людей последствия возникнут как раз в случае "немедленных и радикальных экономических реформ", предложенных, к сожалению, "с легкостью в мыслях необыкновенно".

* * *

Журнал "Внутренние противоречия" №2 целиком посвящен экономике. За одним исключением (статья К. Буржуадемова), это — работы высокого класса, которые с глубоким знанием материала разбирают различные практические стороны советской экономики. Рассматривать их здесь подробно нет возможности и необходимости, так что я сделаю лишь отдельные краткие замечания.

Статья американского ученого П. Самюэlsa с параллельным рассмотрением различных систем свободного мира, фашизма и коммунизма замечательна своим глубоким пониманием советской экономической действительности, тем более, что советский социализм — закрытая система, в отличие от свобод-

ного мира или от фашизма, открытого для изучения в результате разгрома. На немногочисленных и неизбежных мелких неточностях здесь нет смысла останавливаться, кроме, пожалуй, одного пункта. В плановом хозяйстве советского образца номенклатурные (натуральные) показатели не являются "бессмысленными", как вскользь и, быть может, случайно, замечает автор, наоборот — они являются стержнем хозяйственной деятельности.

Две статьи А. Каценелинбойгена — о легальных и нелегальных советских рынках и об академике Канторовиче (авторе экономико-математических методов) — также отличаются очень высоким уровнем как по изучению фактов, так и по их объяснению. Из некоторых неточностей отметим тоже только одну. Автор рассматривает как "ложь и коррупцию" взаимное снабжение предприятий материалами, инструментами или запчастями, происходящее на местах в небольших количествах вне плановой системы распределения. На деле это явление легко объясняется одним высказыванием Канторовича, которое приводит сам Каценелинбойген в другой своей статье, справедливо характеризуя его, как очень тонкую мысль: "Пусть требуется укладка в пространстве (вагон, контейнер) различных предметов. При крупных или геометрически правильных предметах наиболее эффективным будет нахождение рациональной укладки с помощью расчетов, путем сравнения различных вариантов. Однако при мелких, неправильной формы предметах, они лучше уложатся, если, не прибегая ни к каким расчетам, положить их внаброс, а потом утрясти".

Трагическая биография известного писателя-деревенщика Валентина Овечкина, талантливо написанная С. Бабенышевой, достойно дополняет этот экономический выпуск журнала.

Превосходную статью А. Никольской "Об экономике советской семьи" пересказать, к сожалению, невозможно. Это очень ценное исследование стоит прочесть целиком. Следует особо отметить дружественный тон автора по отношению к эмигрантам, давшим основу этого социологического исследования.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое лирическое отступление. Герман Андреев, обозревая в "Русской мысли" указанный журнальный номер, о содержании лишь наукоподобной статьи В. Сегала умалчивает, — хотя в своих поэтических размышлениях находит место (полстолбца), чтобы вспомнить не участвующих в данной книжке Г. Адамовича, М. Алданова, И. Бунина, З. Гиппиус, Б. Зайцева, П. Милюкова, В. Набокова, М. Осоргина, П. Сорокина, В. Чернова, Г. Газданова, Л. Ржевского, А. Солженицина и В. Максимова...

зад, "режим франкистской Испании последних десяти лет напоминает скорее Россию Николая I, чем Германию Гитлера" (Соч., Москва, 1965, т. 6, стр. 666). Это было сказано при советской цензуре об Испании 1953 — 63 годов. А франкизм 70-х годов был похож, вероятно, на Россию Александра III. Стоит напомнить также позицию Франко во время войны. "После того, как Каудильо отказался предоставить своим драгоценным союзникам и товарищам по оружию право свободного прохода через Гибралтар, Рейх был обречен" (Дж. Штейнер, "22" №19, стр. 46).

Ах, поэты! Удивительный народ!
И наука их, как видно, не берет.
Все б резвиться им, голубчикам, дерзать...
Образованность все хотят показать...

(Копирайт "Время и Мы" №59)

Насчет фигуры умолчания острое словцо молвил нам коллега В. Рудинский, что тут выходит сделка, не вполне красивого вида за спиною заинтересованного лица — читателя ("Голос Зарубежья" №17). Справедливость, однако, требует указать, что для умалчивания у Германа Андреева была и иная причина — он был занят обличением В. Пирожковой. Обвинив ее сперва почти в невинных "нацеленности и заикливости", он — т. е. Герман Андреев — затем, как в цирке, вытащил из рукава уже "демонизацию отрицаемого явления", а в завершение (чего церемониться!) пришел и целое инквизиционное дело — "веру в прехитрых большевистских дьяволов". В этом преужасном океане слов благополучно (для Германа Андреева) потонула не только разбираемая им статья В. Пирожковой, но и — страшно сказать! — все проблемы "из статей В. Пирожковой вообще".

Не решаясь следовать **некорректному** (как говорят в математике) примеру Германа Андреева и — одним махом семерых убиваю — обсуждать здесь все его обзоры в "Русской мысли" **вообще**, я хотел бы все же заметить, что Герман Андреев, весьма успешно убегая от "нацеленности" (тут надо отдать ему должное), топит свою мысль в огромном, подавляющем количестве воды. Если иной читатель и сможет вытащить на поверхность эту мысль, то оживить ее не удастся: утопленица задохнулась... Та же вода, как мы указывали, успешно используется и для фигуры умолчания. А ведь по слову поэта:

И правда дел — она на страже,
Ее никак не обойдешь,
Все налицо при ней и даже,
Когда умалчиванье — ложь...

Но, делу время, потехе — час, читатель, пожалуй, уже заскучал над этим лирическим отступлением. Вернемся же, как говорят французы, к нашим баранам.

Нам остается рассмотреть еще статью К. Буржуадемов (В. Сокирко) под громким названием "Я обвиняю". Мне уже приходилось писать в нашем журнале (№25) о низкой квалификации этого автора. Д. Штурман возражала в "Посеве" на его апологию неосталинизма. В разбираемой статье К. Буржуадемов требует повысить государственные цены на дефицитные товары (т. е. на все!) до "нормального рыночного уровня", а "полученные от этого деньги пустить на развитие производства этих товаров".

К. Буржуадемов в своей статье применяет к читателям весьма крепкие выражения, так что иные из них я не решаюсь повторить; но по поводу этих квази-идей скажу словами автора: "Какой детский лепет!"

Дефицитных товаров нет в продаже не из-за низких, якобы, цен (цены весьма высокие), а из-за того, что их не производят, что в самом плане уже заложен дефицит. И никакое повышение цен не уменьшит дефицит — как ни странно, К. Буржуадемов сам это знает: "полученные деньги будут распределяться государством совсем не по принципу дефицитности, а по всяческим "высшим соображениям" (оборона, помощь дружественным странам и освободительным движениям, создание общественных фондов и т. п.)".

К. Буржуадемов предлагает и второй способ — "необходимо узаконить и приветствовать любую производственную деятельность спекулянтов, чтобы деньги потребителей шли на производство сразу и эффективно". Скажу опять словами автора: да знают ли эти люди, о чем они говорят?

Попробуем разобрать, о каких товарах говорит автор. В своей статье он упоминает "таблетки импортных лекарств, необходимые книги и тряпки, автомобильные запчасти". Так что, может быть, спекулянты построят нам химические заводы и будут выпускать лекарства с четырехэтажными названиями? Может быть, они откроют типографии и будут печатать дефицитные (пусть даже цензурованные!) книги? Или они соорудят заводы, чтобы изготавливать красочную синтетическую одежду и джинсы ("тряпки") или вожделенные для В. Сокирко автомобильные детали? Что это — бред?

А вот еще один пример из самой статьи Буржуадемова: "Недавно государство повысило цены на букинистические книги довоенного издания до рыночного уровня, однако свободный (черный) книжный рынок не исчез; чтобы достать необходимую книгу (хотя и по еще более дорогой цене) приходится все же обращаться к рынку". И в другом месте автор пишет: "Может ли спекулянт заломить монопольную цену? Конечно, он это и делает в действительности..." После этого К. Буржуадемов обвиняет читателей в "близорукости, жадности, бездеятельности и высокомерии..."

Откуда все же такая нелепость мыслей у автора? Я думаю, из-за марксистской идеологии. Вот что он пишет: "Если мы смотрим на Запад и видим, что те или иные товары там очень дешевы, то близоруко мы поступим, если у себя назначим аналогичные цены. Это будет не только близоруко, но и расточительностью, преступность, ибо у нас еще нет этих товаров в таком количестве, нет соответствующего их производства, ибо сейчас надо оптимально рас-

пределять то, что есть". Вот в том-то и "близорукость" (осторожно выражаясь) автора: с оглушительным шумом, грохотом и звоном он давит на распределение, а не на производство. А ведь хрестоматийной уже стала мысль, выраженная лет десять назад одним из героев Солженицына: "Раньше меня больше всего беспокоило, как **распределять** все, что без меня готово, а теперь меня больше беспокоит, как создавать. Лучшие головы и руки страны должны идти на это, а распределят головы и послабей. Когда много создано, то даже при ошибках распределения без куска никто не останется" ("Август четырнадцатого", ИМКА, 1971, стр. 533).

В завершение К. Буржуадемов считает, что "производственное воровство — хорошо, морально" и объясняет: "Так все раскрасть — это значит все денационализировать, всем вернуть их частную собственность, т. е. основу их независимости и свободы (то, что происходило с помещичьими имениями в 17-м году)". Но какой смертельный голод наступил после прекрасного 17-го года — уж это мы знаем!

Наконец, где же взять деньги для покупки, если цены резко возрастут? На это К. Буржуадемов отвечает: "Становитесь кустарями, шабашниками, леваками, спекулянтами, предпринимателями, частниками". Что означает этот бред — трудно понять. Закрывать школы, больницы, заводы, железные дороги, научные институты — и всем, по примеру камбоджийцев, стать кустарями на своем поле и спекулянтами чашкой рису? Не безумен ли автор? Или, вернее, не безумен ли его неомарксизм, как его камбоджийский собрат?

Итак, К. Буржуадемов предлагает резко повысить цены в СССР... Говорят, простота хуже воровства. Но простота ли это?

* * *

P.S. В "Русской мысли" от 16. 9. 82 г. в обзоре печати помещена следующая информация о моей статье в "Голосе Зарубежья" №23: "В "Экономических заметках" Е. Кармазин возражает нескольким авторам. Главная тема — подпольные миллионеры в СССР (м. б., так и следовало бы озаглавить статью?). Будем надеяться, что вопрос не исчерпан и о подпольных миллионерах знающие люди еще многое расскажут".

Я вынужден возразить на это сообщение

(хотя должен сознаться, что оно все же лучше, чем полное замалчивание, которому в "Русской мысли" была подвергнута моя предыдущая статья "Возрождение сталинизма в экономике"). Обсуждаемая ныне моя статья имела подзаголовок "Пропаганда под иным знаком" (чего в "Русской мысли" не указали) и возражал я И. Бирману, А. Янову, М. Поповскому, В. Буковскому и псевдонимному автору из СССР Г. Нилову (о чем в газете также умалчивается). Подпольные миллионеры — не главная тема, одна из иллюстраций некоторых недоказанных сообщений в тех или иных сочинениях. Из шести колонок в моей статье подпольным миллионерам посвящены всего 1,5, да и те заполнены сплошь цитатами.

Мне казалось, что вопрос о подпольных миллионерах полностью исчерпан, но поскольку "Русская мысль" думает иначе, я приведу еще несколько новых цитат на эту тему.

Нелегальный профсоюз СМОТ пишет в своем московском бюллетене: "В СССР на наших глазах происходит слияние мира подпольных миллионеров и бандитов с номенклатурой" ("Посев" № 2, 1982, стр. 22).

В том же "Посеве" И. Оболенская замечает: "Людей, зарабатывающих на кризисе социалистической системы хозяйства, много, но они ненадежны ни в политическом, ни в нравственном отношении. Их можно отнести к городскому люмпенпролетариату, но делать на них ставку политическую или экономическую — не следует" ("Посев" № 9, 1982, стр. 29).

Далее, Б. Сегаль указывает: "Лишь определенная часть населения испытывает это приятное ощущение (как рыба в воде). Речь идет не только о "новом классе" господствующей партийной олигархии, пользующейся всеми привилегиями официально, но и о значительной прослойке подпольных бизнесменов и локкачей. Эти люди приспособились к системе круговой коррупции и лжи. Они довольно хорошо живут материально, а некоторые из них могут считаться обеспеченными и богатыми даже по западным меркам. Часть из дельцов эмигрирует (власти нередко охотно содействуют им), но, оказавшись в странах частного предпринимательства, они опять чувствуют себя как рыбы, только на этот раз выброшенные из воды" ("Новый журнал" №145, стр. 175).

И наконец, Ю. Мамлеев определяет: "Советский буржуй утратил почти все человеческие качества" ("Континент" №30, стр. 205).

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

МЮНХЕНСКИЙ ИНСТИТУТ

(Из истории второй российской политической эмиграции)*

Вторая российская политическая эмиграция середины сороковых годов двадцатого столетия, вопреки ходячим представлениям некоторых группировок, оставила после себя несколько нерукотворных памятников, среди которых немаловажное место занимает Мюнхенский Институт по изучению СССР. Отлично организованное научно-исследовательское учреждение, весьма легко "проданное" Брежневу во имя гнилой и насквозь лживой разрядки, оно заслуживает того, чтобы войти в российскую историю этих трагических лет и явиться ярким свидетельством того, что перенесла послевоенная зарубежная Русь в своем одиноком и промыслительном странствовании по задворкам великолепного западного мира.

Институт по изучению истории и культуры СССР был основан в Мюнхене 8 июля 1950 г. Он был организован как свободная корпорация научных работников и специалистов — эмигрантов из СССР, ставящих своей целью всесторонне изучать СССР и ознакомить с результатами своих исследований западный мир.

Его учредителями являлись российские эмигранты: М. А. Алдан, проф. К. Г. Криптон, проф. А. А. Кунта, д-р Ю. М. Ниман, проф. А. П. Филиппов, проф. К. Ф. Штепа и Б. А. Яковлев. На своем первом организационном заседании они приняли и подписали устав Института, определивший его задачи, направление деятельности и структуру. Тогда же был избран президиум (иначе дирекция Ин-та) в следующем составе: директор — Б. А. Яковлев, заместитель директора — проф. А. А. Кунта. 6 декабря 1950 г. устав был зарегистрирован в соответствующих западногерманских учреждениях, и на основе этого устава Институт работал до своей реорганизации в 1954 г. Отметим также, что все семь членов-учредителей представляли собой Ученый совет Ин-та, т. е. его высший орган.

Цели Ин-та определялись следующими положениями: в его задачу входило — исследовать теорию и практику государственного и социального устройства СССР, а также подвергнуть изучению различные исторические, культурные, социальные, экономические, нацио-

нальные и политические проблемы народов СССР.

Начало работы Института было весьма трудным. Не было средств, не хватало людей. Много времени ушло на установление связей с научными работниками — эмигрантами, интересовавшимися Ин-том и желавшими в той или иной форме принять участие в его работе. Надо при этом отметить и следующее: часть эмигрантской общественности после всего пережитого в военные и в первые послевоенные годы настороженно относилась к работе Ин-та. Как на крайний пример подобного отношения, можно сослаться на опубликованное обращение (август 1953 г.); его подписало около пятидесяти виднейших представителей, главным образом, первой российской эмиграции. Напечатанное в нескольких периодических изданиях, оно призывало к бойкоту работы Института. Среди подписавших были: А. Керенский, С. Мельгунов, Ф. Степун и др. Впоследствии многие из них приняли участие в работе Ин-та, укрепляя его своим авторитетом.

Осенью 1950 г. в Мюнхене приступила к работе экспедиция Русского исследовательского центра Гарвардского университета по изучению психологического облика военной и послевоенной эмиграции. Руководство Ин-та заключило договор с Русским исследовательским центром и приняло на себя ряд обязательств в области методологической и организационной помощи экспедиции. Этот договор дал первые весьма скромные средства для работы Ин-та, а также способствовал общению научных сил эмиграции с представителями западной науки. Последнее, как мы увидим ниже, было весьма важно для дальнейшей работы Института. В то же время надо отметить, что практически взаимная работа не наладилась; слишком были различны подходы к осуществлению поставленных целей. Запад и Восток в этом случае говорили на разных языках.

Все сказанное выше с неопровержимостью свидетельствует: **Институт был создан российской политической эмиграцией**, точнее, ее научным элитарным сектором и, несмотря на более чем трудные условия, начал развивать свою работу. В 1950 г. Совет Института провел 11 заседаний, на которых обсуждалась работа Института за истекший период, рассматривался и утверждался план работы на следующий срок.

1951 г. принес некоторые изменения в работе Ин-та. Со второй половины марта 1951 г.

*Статья посвящается 80-летию основоположника Мюнхенского Института, его создателя и первого директора — Николая Александровича Троицкого (Б. А. Яковлева), одного из выдающихся деятелей второй российской политической эмиграции.

Институт начал получать для своей работы регулярную дотацию от Американского комитета освобождения народов России (впоследствии переименованного в Комитет освобождения от большевизма). Эта помощь была вначале спорадической и ограниченной, но потом начала носить систематический характер; она дала возможность приобрести более пригодное для работы помещение и приступить к развертыванию постоянной и планомерной деятельности. В то время Американский комитет освобождения народов России оказывал помощь ряду эмигрантских организаций, не вмешиваясь в их внутренние дела и лишь интересуясь, куда и на что пошли отпущенные им средства. Это полностью устраивало Институт, который с благодарностью принимал субсидии от Американского комитета, но при условии своей полной независимости как в административной, так и в академической деятельности.

В 1951 г. Институт имел 12–15 штатных сотрудников. Одновременно произошли и некоторые изменения в его руководстве. Некоторые члены Совета Ин-та выбыли из него и были заменены новыми. Кроме того, было увеличено и количество членов Совета, доведенное до 13 человек. В Совет входили: М. А. Алдан, проф. А. А. Кунта, проф. А. П. Филиппов, проф. К. Ф. Штепа, Б. А. Яковлев. Эти лица были учредителями и членами Совета со дня основания Института. К ним присоединились вновь избранные члены Совета: проф. Я. В. Буданов, проф. Т. М. Давлетшин, проф. А. Г. Зоргенфрей, К. Канатабай, проф. М. А. Миллер, доц. В. П. Марченко, доц. Л. Д. Ржевский, проф. В. Э. Шпроте. Многие из этих лиц давно ушли в другой мир, но мы должны в связи с Институтом сохранить их имена для последующих российских поколений. Вообще мы пишем эту статью не столько для современной российской эмиграции или западных читателей, сколько для строителей будущей свободной России. Пусть они знают из совершенно независимых и свободных отечественных источников, что же на самом деле происходило на Западе в кругах российской политической эмиграции и как складывались ее отношения с представителями западного мира. Мы ставим также себе еще и другую, попутную задачу — развеять злобные и несправедливые мифы, созданные Москвой вокруг второй эмиграции и подхваченные в какой-то мере частью первой политической эмиграции, не понявшей московской провокации и добавившей кое-что и от себя.

В указанном выше составе Совет продолжал свою работу до реорганизации Ин-та в 1954 г. Наметившиеся тогда направления, задачи и формы работы Ин-та в общих чертах сохранились неизменными в первое пятилетие

его существования. Таковыми являлись: 1) научные конференции; 2) издательская деятельность; 3) система докладов; 4) создание библиотеки и архива, обеспечивающих научно-исследовательскую деятельность; 5) установление научных связей Ин-та.

Ввиду особенностей положения научных работников-эмигрантов, рассеянных по всему миру, Ин-т с самого начала своей деятельности был запроектирован как центр для их объединения, организации помощи и руководства в исследовательской работе. В этом именно и заключалось своеобразие и сложность работы Ин-та. Он явился первым учреждением такого типа, не имевшим прецедента в истории эмиграции.

Институт с самого начала незамедлительно приступил к выявлению лиц, которые, находясь в разных странах свободного мира, иногда весьма далеко от Европы, могли бы быть объединены вокруг Ин-та и привлечены к его работе. Уже в 1951 г. была проведена 1-я конференция научных работников-эмигрантов, на которую прибыло до 150 человек. Эта первая конференция показала, какими научными силами располагает эмиграция, с помощью которых уже тогда строилась работа Ин-та.

Одновременно развивается издательская деятельность Ин-та, появляется периодический орган — “Вестник Института” и некоторые другие издания. В эти же годы начинает собираться институтская библиотека, сильно впоследствии разросшаяся. В то время библиотека комплектовалась исключительно на основе пожертвований. Она создавалась как учреждение закрытого типа, а не для общественного пользования.

1952 г. принес Ин-ту ряд осложнений. Был сильно сокращен его бюджет из-за отсутствия средств. Пришлось сократить штат сотрудников. Весь штат был в этот период сведен к пяти сотрудникам, включая самого директора. Однако в июне того же года Институт снова получил некоторые возможности для развития работы. Количество сотрудников увеличилось до десяти. Учреждается библиографический отдел, начавший систематическое обслуживание радиостанции “Освобождение”. В том же году создается и издательский отдел Ин-та, начавший развивать публикацию его работ. Библиотека вырастает до 5053 названий, вместо 2000, имевшихся в предыдущем году.

В 1953 г. в Нью-Йорке состоялась 2-я научная конференция Ин-та на тему: “От Сталина к Маленкову” (Итоги XIX партийного съезда и смерть Сталина). В конференции приняли участие члены Совета Ин-та, проживавшие в Америке, и научные работники из числа эмигрантов и американцев, работавших над проблемами изучения СССР.

В августе того же года в Мюнхене была проведена 3-я конференция Ин-та на тему: "СССР сегодня и завтра". На конференции присутствовало свыше трехсот человек, в числе которых были научные работники из Англии, Швеции, Голландии, Италии, Турции, Австрии, а также значительное количество нерусских научных работников из СССР — украинцев, белорусов, грузин, азербайджанцев, северо-кавказцев и др. Продолжала расширяться издательская деятельность. Начал регулярно выходить "Вестник Института". Библиотека выросла до 14308 томов. Увеличивается количество периодических изданий, поступавших в библиотеку.

Число корреспондентов Ин-та и учреждений, с которыми Ин-т установил связи, к концу 1953 г. достигло почти 1 000. Адресаты распределялись по следующим 48 странам свободно-го мира: Абиссиния, Австрия, Австралия, Англия, Аравия, Аргентина, Африка, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Голландия, Германия, Греция, Дания, Египет, Израиль, Индия, Индокитай, Индонезия, Иран, Ирландия, Италия, Канада, Ливан, Люксембург, Марокко, Мексика, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Португалия, Сирия, США, Тайвань, Турция, Уругвай, Филиппины, Финляндия, Франция, Чили, Швейцария, Швеция, Югославия, Япония. Институт имел постоянные научные связи более чем со ста научными учреждениями. Мы упоминаем об этом для того, чтобы показать, какой диапазон работы приобрел Ин-т всего за три года, не обладая при этом достаточными средствами.

1954 г. имел огромное, а быть может, и роковое значение для Ин-та. По инициативе представителей Американского комитета проф. Баллиса и д-р Д. Пеннара была осуществлена реорганизация Ин-та, ставившая своей официальной целью привлечение к его работе научных работников ряда национальностей из СССР. Все это было бы нормально и своевременно, если бы вместе с реорганизацией не была привнесена в жизнь научного учреждения чисто американская концепция "освобождения" и совершенно особый взгляд на будущее СССР после предполагаемого, но не состоявшегося освобождения.

Давая солидную материальную помощь Мюнхенскому Институту, американская администрация решила переделать структуру и работу Ин-та на свой лад и негласно фактически возглавить это учреждение, превратив его в инструмент собственной политики. Руководство Ин-та пошло навстречу некоторым пожеланиям представителей КОНР, не ожидая каких-либо нажимов с их стороны, которые, однако, осуществлялись потом всякими способами.

Надо отметить, что в руководстве Ин-та были и сторонники, и противники реорганиза-

ции. Сторонники мотивировали свою позицию довольно примитивно, главным образом тем, что реорганизация принесет с собой более чем значительные материальные средства, а следовательно, упрочит и расширит деятельность Ин-та. Таким сторонником реорганизации был д-р Ю. Ниман (И. Боголепов). Впоследствии он переехал в США, где в ходе своей работы наткнулся на непреодолимые преграды в смысле осуществления своих взглядов, крайне разочаровался, выпустил в западном самиздате два солидных тома статей, полных трагедии и безысходности. Подобные случаи вообще не являлись единичными, и надо было иметь много мужества и воли, чтобы идти против течения и не превратиться в серого чиновника-середняка.

Сейчас очень трудно судить о всем происходившем тогда во всех подробностях. Трудно обвинять руководителей Института в недостаточной прозорливости в смысле тех неожиданных "возможностей", которые принесла с собой реорганизация. Опыта взаимоотношений с западными инстанциями было мало, и представления о Западе были слишком идеалистичными. Если оценивать все происходившее тогда с позиций сегодняшнего дня и почти сорокалетнего пребывания на Западе второй российской эмиграции, то руководители Института должны были отказаться и от реорганизации, и от помощи со стороны КОНР, оставшись нищими, но свободными, отыскивая другие пути для работы Ин-та*. То, что это было возможно, хотя и очень трудно, доказывает опыт ныне покойной Н. А. Теодорович, продолжавшей до самой смерти выпускать свой журнал "Религия и атеизм в СССР", который раньше являлся институтским изданием и по логике вещей должен был прекратить свое существование. Но он продолжал выходить, выходит и поныне при новом редакторе д-ре П. Модесто. Наш эмигрантский опыт, вернее, опыт передовой и национально-мыслящей элитарной части эмиграции показал, как много можно сделать, не обращаясь за помощью к иностранцам или принимая только ту помощь, которая не обуславливает собой подчинения помогающему. В условиях работы Ин-та можно было охотно пойти на привлечение ученых из различных национальностей СССР; это можно было только приветствовать. Но все, что происходило дальше, едва ли можно расценивать положительно.

В связи со всем сказанным, 10 июля 1954 г. на общем собрании Совета Ин-та был принят новый устав, изменивший не только организа-

*В то время пишущий эти строки был склонен одобрить реорганизацию Ин-та, но очень скоро убедился в ошибочности своей позиции, подтвержденной в дальнейшем почти сорокалетней деятельностью в эмиграции.

ционную структуру учреждения, но и его лицо. Во изменение старого устава, согласно которому органами управления были президиум Ин-та (дирекция) и собрание членов, носившее название "Совет Института", новый устав органами управления предусматривал: 1) Общее собрание членов Ин-та; 2) Научный совет, избираемый из членов Ин-та в составе семи человек сроком на один год; 3) Дирекцию Ин-та, избиравшуюся из членов общего собрания в составе директора Ин-та и двух его заместителей сроком на один год. В число членов общего собрания было введено приблизительно тридцать новых лиц — представителей почти всех национальностей СССР. На первом же общем собрании членов Ин-та (13 июля 1954 г.) был подписан новый устав и проведены выборы дирекции в составе директора и его двух заместителей. Тогда же был избран и научный совет, ответственный за научно-исследовательскую работу Института в составе семи членов. Из состава научного совета были выделены следующие коллегии: издательская, стипендиальная, исследовательско-библиографическая и библиотечная комиссия. Директором Института продолжал быть Б. А. Яковлев (Н. А. Троицкий).

В результате привлечения к работе Института научных работников отдельных национальностей СССР и введения нового устава — внутренняя структура Ин-та и его работа приняли значительно более сложный характер. Одновременно Институт вырос в смысле количества постоянных сотрудников. Если на 1 января 1953 г. имелось двенадцать постоянных сотрудников, то на 1 января 1955 г. их уже было 74: 29 русских, 26 украинцев и 19 — других национальностей.

Здесь интересно отметить малоизвестную сторону работы Американского комитета освобождения народов России, который в продолжение десяти месяцев вел от своего имени переговоры с так называемым Парижским блоком национальных организаций. По сообщениям украинской печати, комиссия Парижского блока договорилась с Американским комитетом о реорганизации Совета Института с тем, чтобы в него вошли представители всех национальностей СССР*.

В Мюнхенском Институте стало работать постоянное представительство Американского комитета, возглавленное проф. О. И. Фридериксен. Его заместителем был Л. И. Барат, сыгравший большую роль в дальнейшей деятельности Ин-та, фактически постепенно взявший руководство им в свои руки и много для него сделавший. Это является объективной констатацией происшедшего.

В связи с этим следует отметить и следующий факт: если годовая субсидия Ин-ту в 1953 г. составляла 283272 немецких марок, то в 1954 г. она возросла до суммы 720064 марок, т. е. более, чем в два раза.

В очень скором времени инициатор и фактический создатель Института директор Б. А. Яковлев (Н. А. Троицкий), не согласившийся подчинить Ин-т полностью американской администрации и продолжавший действовать достаточно самостоятельно, принимая вашингтонские установки "постольку поскольку", был удален с занимаемой должности. Официальной причиной удаления Б. А. Яковлева явились якобы пожелания или установки госдепартамента США. Б. А. Яковлев был удален в США, где он прожил достаточно трудную жизнь, оставаясь в плане российской акции иностранного происхождения не у дел. Самостоятельно мыслящих и действующих людей американская элита весьма не любит, хотя в своих самоуверенных прогнозах довольно часто ошибается.

На чисто формальное приглашение принимать участие в работе Института Б. А. Яковлев уже из Нью-Йорка ответил следующее: "...Вмешательство спонсора — Американского комитета, осуществившего реорганизацию Ин-та в 1954 г., перевело его работу на основы партийных и национальных начал и, следовательно, привело к нарушению принципов исследовательской работы и внутренней организации. Мое дальнейшее сотрудничество с Ин-том будет возможно тогда, когда Ин-т будет действительно отвечать тем основным академическим принципам, которые соответствуют всякой научно-исследовательской институции". Правда, через 15 лет, т. е. в 1969 г. Генеральная ассамблея Ин-та, согласно уставу, за особые заслуги единогласно присвоила Б. А. Яковлеву высшее звание почетного члена Института. Но, в конце концов, не в этом заключается сущность поднятых вопросов.

Вторым директором Ин-та был назначен проф. В. С. Мерцалов. Он являлся чисто декоративной фигурой, сидевшей в большом и удобном директорском кабинете. После смерти В. С. Мерцалова (приблизительно через два года) место директора занял д-р Г. Э. Шульц, который и пробыл в этой должности до ликвидации Ин-та. К этому времени американские советники уже участвовали с решающим голосом в утверждении плана работ; раньше этого не наблюдалось, и их роль ограничивалась только советами. Практически в это время все дела решались предварительно в кабинетах представителей Американского комитета освобождения. Неизвестно, освободил ли кого-нибудь Американский комитет, но Ин-т он крепко скрутил, получив в нем фактическую власть и связав по рукам и по ногам научных

* См. также: "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 28 июня 1955, В. П. Яновский "О Мюнхенском Институте".

сотрудников, которые были обязаны работать в рамках вашингтонских установок. Как это происходило на практике, — пишущий эти строки видел на протяжении более десяти лет, принимая участие в работе Ин-та и изредка бывая в нем. Своеобразная “оккупация” Ин-та американской администрацией и превращение его в американско-эмигрантское учреждение дало ему достаточно средств на разворот его работы. И если в отношении ряда вопросов американская администрация имела все основания решать их самостоятельно, то в вопросах, касавшихся СССР, она этих оснований не имела. Ошибки в американской политике в отношении СССР привели, как известно, к результатам, о которых лучше не говорить. Институт был создан, вернее, взят на практический учет американской администрацией потому, что там работали люди, хорошо знавшие советскую действительность. И тем не менее, американцы хотели корректировать опыт и знания этих людей своими отвлеченно-теоретическими взглядами, далеко не всегда соответствующими действительности. На всю продукцию Ин-та легла тяжелая рука вашингтонских установок, вопреки официально провозглашаемым принципам свободы творчества.

В связи с этим невольно вспоминается об одном случае, характерном для сложившейся обстановки. В конце пятидесятих годов я получил приглашение от Ин-та участвовать в сборнике “Русская Православная Церковь в СССР”. Первая моя работа, подготовленная для Института и посвященная религиозной молодежи в СССР, была написана при Б. А. Яковлеве и благополучно вышла в более или менее нормальное время. В сборнике о Православной Церкви участвовали, кроме меня, проф. А. Боголепов, игумен Георгий, Н. Аделин и П. Соколов — люди, хорошо владевшие тематикой сборника. Моя статья, посвященная церковной политике Московской патриархии, была написана в совершенно определенных тонах. Впоследствии она была положена в основу одной из глав моей книги “Гонимая Церковь”. Сборник был написан и вовремя сдан в Институт. Но вместо издания началась бесконечная волокита по принципу — “осторожнее, как бы чего не вышло”. Как было сообщено в предисловии, “при составлении сборника, чтобы избежать односторонней оценки событий церковной жизни СССР и обеспечить ее наиболее объективное освещение, были привлечены компетентные авторы различных церковных направлений”. Но, несмотря на компетентность авторов, рукопись сборника начала свой крестный путь по “инстанциям”. Комиссии, подкомиссии, рецензенты, редакционные совещания затянулись едва ли не на годы. Люди, видимо, мало понимавшие сущность церковных вопросов, часто духовно не подготовлен-

ные к ним, судили, рядили, выносили диаметрально противоположные решения. Дело дошло до того, что один из американских компетентных специалистов предложил пересмотреть и переделать весь сборник в плане взаимопонимания и компромисса с Московской патриархией. Весьма характерное пожелание для американской политики в отношении СССР. Получив подобное предложение, я был вынужден написать довольно длинное письмо в Ин-т соответствующего содержания. В нем я дал оценку всего происходившего, отказавшись от переделок и вообще публикации моей статьи в измененном виде. Мое письмо вызвало реакцию институтского руководства, заинтересовавшегося, как я узнал, находясь в США, происходившим в недрах Ин-та. А узнал я об этом по одной весьма простой причине: поведение американской администрации, ставшей фактическим хозяином эмигрантского учреждения и сумевшей это наглядно показать на практике, не вызывало особых симпатий у многих сотрудников. Поэтому разговоров на эту тему, и устных, и письменных, было достаточно*.

В результате Ин-т формально отказался от издания сборника, но передал его издательству Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) в Мюнхене, которое и издало книгу с пометкой, что сборник подготовлен исследовательским отделом Института по изучению СССР. Сборник этот считался в то время наиболее компетентным изданием, посвященным положению Церкви в СССР. Непонятные страхи, связанные с его изданием, оказались совсем напрасными. Учтя, однако, уроки издания указанного сборника, я уже больше не брался за более или менее крупные работы, направляя усилия на отдельные статьи небольшого объема, печатавшиеся в английском Бюллетене, издававшемся Ин-том, и в отдельных выпусках его трудов.

В 1955 г., еще в бытность Б. А. Яковлева директором Ин-та, состоялась 6-я конференция Ин-та, посвященная его пятилетию. На этой конференции с довольно обширным докладом выступил Б. А. Яковлев. Это было его едва ли не последнее выступление в Ин-те. Он остановился на характеристике принципиальных положений, которые сопутствовали работе Ин-та в прошлом и которые, по его мнению, должны определять его работу и в будущем. Не останавливаясь на всех теоретических сторонах его выступления, заметим то главное, что в данном случае интересует нас. Директор отметил: “Через пять лет (после основания Ин-та) морально-политическое значение Института, ставшего очагом и центром научной мы-

*Копия этого письма передана мною в Архив Православной Церкви в Америке и находится среди моей переписки с Н. А. Теодорович.

сли эмиграции... довольно велико". Ин-т связан с 899 научными организациями мира, находящимися во всех частях света. Среди этих организаций имеется 15 академий, 73 института, 262 университета и другие учреждения. Связь с ними выражается в регулярном обмене изданиями, корреспонденциями, а также в запросах консультационного характера, с которыми различные научные и общественные организации, а также отдельные представители этих организаций обращались в Ин-т. В данном отношении он завоевал бесспорный авторитет.

Значение Ин-та и его исследовательской деятельности для свободного мира определялось тогда рядом факторов. Заимствования и перепечатка работ Ин-та в иностранных изданиях, использование их в иностранной прессе, отзывы о его печатных трудах, обращения за справками иностранных научных учреждений и отдельных исследователей, многолюдные научные конференции и симпозиумы, проводившиеся Ин-том, свидетельствовали о многом. Контингент исследователей в различных областях науки, объединенных вокруг Ин-та, был к этому времени чрезвычайно обширен. Среди них были академики, профессора, духовенство, доценты, инженеры, агрономы, врачи, архитекторы и др. Фактически Ин-т объединил также большинство многонациональной интеллигенции российского происхождения. В указанный период с Ин-том было связано в плане научной работы до 600 человек.

На конференции была отмечена еще одна особенность Ин-та, отличавшая его от других эмигрантских формирований. Ведь Ин-т по своему "происхождению" был стопроцентным эмигрантским образованием. Никто не догадался открыть Институт по изучению СССР, кроме инициативной группы лиц, состоявшей на сто процентов из представителей второй эмиграции. Но к моменту, о котором мы сейчас пишем, в нем работали представители первой, второй и новейшей промежуточной эмиграции, постепенно просачивавшейся все послевоенные годы, правда, в очень ограниченном количестве. Благодаря этому, в совместной деловой работе оказались изжитыми те трения, недоверие и отталкивание, которые имели место во взаимоотношениях указанных трех слоев эмиграции.

Полнокровная научная деятельность Ин-та явилась также символом и живым доказательством того, что люди, оторванные от родины, не превращаются в бездомных скитальцев, а могут творить, создавать ценности для своего народа и своей страны.

К сожалению, с момента реорганизации Ин-та и его финансового снабжения Американским комитетом освобождения, печать чисто американских установок, особенно в области внешней политики, легла на многие работы

Ин-та. Но несмотря на это, все же Ин-т как научное учреждение продолжал расти, завоевывая авторитет во многих странах мира. Его издания посылались не менее чем в 60 стран. Самым известным изданием являлся английский "Бюллетень", выходивший ежемесячно и сообщавший не только о текущих событиях в СССР, но и дававший оценки происходящего в плане международных событий крупного масштаба. В качестве эха, которое вызвал Ин-т своей работой во всем мире, можно привести труд бывшего директора Ин-та Б. А. Яковлева о концентрационных лагерях в СССР, переведенный в свое время на японский язык. Совместный труд Яковлева и Лебеда о системе водного транспорта в СССР был переведен на английский язык.

Советская печать по достоинству оценила работу Института. В ней он был назван наиболее ярким представителем антисоветизма и антикоммунизма. Ин-т ей был достаточно хорошо знаком. В нем, очевидно, деятельно "сотрудничали" советские агенты, доставлявшие своим хозяевам сведения о внутренней деятельности этого учреждения. Советскую печать особенно интересовали ежеквартальные издания — "Исследования о Советском Союзе" и еженедельный "Анализ текущих событий в СССР". Указанные материалы печатались на немецком, английском, французском, испанском, русском, арабском и турецком языках и рассылались по подписке в количестве тридцати тысяч экземпляров.

Для советчиков Мюнхенский институт являлся достаточно неприятным учреждением. По их мнению, основной задачей Ин-та являлось распространение "тенденциозной и клеветнической информации о Советском Союзе и других социалистических странах". Но, вместе с тем, советская пропаганда нехотя должна была отметить и другое. Пришлось признать, что Ин-т располагает солидной специализированной библиотекой, насчитывающей более шестидесяти тысяч томов, имеет обширное собрание материалов по России и Советскому Союзу. В Ин-те велась картотека на советских деятелей, ученых, писателей, журналистов и др., насчитывавшая до 150 тысяч карточек. Программы изучения СССР и социалистических стран охватывали вопросы политики, экономики, истории, идеологии, культуры, искусства, этнографии и проч. Этими материалами широко пользовались научные, информационные и правительственные учреждения западно-европейских стран и США, равно как и учреждения НАТО.

Все эти факты и заставили, по-видимому, Академию наук СССР в лице ее библиотеки обратиться в 1956 г. в Ин-т с предложением обмениваться публикациями. Кажется, это

предложение по каким-то соображениям не было принято.

Много внимания обращалось в Ин-те на так называемые слаборазвитые страны. Установление связей с антикоммунистическими организациями и отдельными лицами в указанных странах было одной из весьма существенных задач Ин-та. Его сотрудники регулярно переписывались с научными учреждениями, учеными, журналистами, государственными деятелями стран Ближнего и Дальнего Востока, а также Южной Америки. Университетские библиотеки этих стран находились в постоянном контакте с библиотекой Мюнхенского Института. Исследования отдельных проблем по СССР и странам советского блока производились часто на базе контрактов, заключаемых со специалистами по тем или иным проблемам советоведения.

Институт поддерживал тесный контакт с Гурьевским институтом, университетом в Оклахоме и другими центрами в США, занимавшимися проблемами СССР. Изданный в 1969 г. справочник — "Institute Publications" (1951—1968), объемом в 160 страниц и содержащий перечень всего изданного Ин-том с 1951 по 1968 гг. говорит сам за себя. Огромная печатная продукция Ин-та на многих языках мира свидетельствует о той серьезной работе, которую он проделал за сравнительно короткий срок. Упомянутый ежемесячный Бюллетень Ин-та, периодические издания на английском, арабском, немецком, испанском, русском, французском, турецком и др. языках, его широко известный в научных кругах "Вестник", выходивший на русском языке, его тематические сборники и отдельные монографии представляли несомненную научную ценность и весьма неприятный факт для Москвы. Поэтому в продолжение всей деятельности Ин-та, длившейся двадцать один год, он являлся объектом бесконечных советских нападок и провокаций.

К сожалению, приходится констатировать и другое. В ногу с советчиками пошли и западные либералы вместе с некоторыми российскими эмигрантами из первой волны. Последние стали союзниками первых из-за своей несмысленной ненависти и презрения ко второй эмиграции. Иначе то, что произошло, объяснить невозможно.

Хотя Ин-т к концу пятидесятых годов в своих исследованиях, в основном, шел в русле вашингтонской политики, но и это не устраивало те либеральные элементы, в первую очередь американского общества, которые стремились к фантастической конвергенции с СССР, наивно полагая, что большевики когда-нибудь пойдут на это. Институт, даже со своими работами, сделанными с поправочным коэффициентом на требования или рекоменда-

ции американской администрации, все же был неприемлем для них. В результате в конце 1957 г. появился позорный и возмутительный документ, составленный русскими руками и имевший целью нанести удар Ин-ту. Тактика хорошо известная: дать русским разрушить Ин-т и потом сказать: мы здесь ни при чем, это сделали ваши же соотечественники. Документ датирован мартом 1957 г., и в конце его указывается происхождение документа: "Кембридж, Массачусеттс". Последнее свидетельствует о связи авторов документа с Гарвардским университетом. Авторы этого документа по чьему-то поручению взяли на себя труд дать отзыв о всей печатной продукции Ин-та, тем самым взяв на себя огромную ответственность за оценку всей его деятельности. Приступая к работе, авторы документа разделили все издания Ин-та на пять категорий: **Бюллетень** на английском языке; **Вестник** на русском языке; **Монографии**; **Ротаторные издания** и **Материалы конференций** Ин-та. Не вдаваясь в оценку этой классификации и не анализируя весь документ в целом, отметим лишь, с нашей точки зрения, наиболее характерные высказывания рецензентов, отлично показывающие их подлинное настроение и подход к работе Ин-та. Авторы доклада, или общей рецензии, прежде всего преклоняются перед западной теорией фактов. Они рекомендуют сотрудникам Ин-та писать с большим упором на факты, чем на комментарии к ним. Они ценят факты, но высокомерно отказывают сотрудникам Ин-та в праве высказывать свою точку зрения по поводу тех или иных фактов. Они пишут: "Комментарии едва ли необходимы, когда факты говорят сами за себя. Жаль, в самом деле, что многие русские авторы, особенно недавно покинувшие советскую обстановку, смешивают анализ с оценкой и, как правило, не представляют себе опасности преувеличений при обращении к аудитории, пользующейся английским языком".

Следует внимательно вчитаться в эти поучения. К счастью, сотрудники Ин-та и в дальнейшем не пошли по указанному пути и продолжали давать свои квалифицированные комментарии к фактам, которые, как известно, можно объяснять весьма по-разному. Авторы документа, видимо, не знали или не хотели знать, что существует и другая, русская точка зрения на научную работу. Последняя рассматривается не как объективное коллекционирование фактов, а как творческая деятельность, направленная на осмысление этих фактов, не отказывающаяся от их анализа и оценки, если последние исходят от квалифицированных в данной области лиц. Судя по содержанию документа, его авторы, видимо, не считали сотрудников Института лицами надлежащей квалификации, отражая настроение,

царившее в некоторых сугубо элитарных кругах первой российской эмиграции.

Абсолютные "шедевры" авторы документа преподносят в связи с проблемами психологической войны. По их мнению, сотрудники Ин-та совершенно не знают, о чем они пишут. "Подобно многим кабинетным стратегам, авторы двигают воображаемые силы на воображаемом поле сражения. Читатель поражен их неспособностью различать между целями во время войны и в мирное время (выделено нами — Д. К.), несоответствием их мышления реальностям международной обстановки вообще и американской внешней политики в частности, и, наконец, негибкостью мысли в оценке социологических и психологических сдвигов в советской сфере". Авторы рецензии пишут о "мирном времени", когда уже по всему миру в те годы бушевала предвойна, распространявшаяся с необычайной быстротой. И это называлось "мирным временем"! А что касается американской внешней политики, то сотрудники Ин-та имели все основания сомневаться в ее правильности. Результаты американской внешней политики, выразившиеся в передаче половины Европы в руки Москвы, в потере Кубы, Анголы, Мозамбика, Мадагаскара, Эфиопии, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Южн. Йемена, Никарагуа, Афганистана и др., достаточно хорошо известны и отлично характеризуют эту политику. И слава Богу, что нашлись специалисты, независимо и со знанием дела оценившие эту "замечательную политику". Американская политика приблизилась к единственно возможной альтернативе только при президенте Рейгане. А что касается сдвигов в советской сфере, то этот наивный и одновременно коварный миф, бытующий среди западных интеллектуалов, давно и навсегда провалился.

Мы не будем останавливаться на необъективных и злых оценках отдельных трудов Ин-та. Работы Крылова и Казанцева названы "праздными диссертациями". Подвергается ожесточенной атаке работа Яковлева, посвященная советским концлагерям. Немногочисленные материалы по еще довоенному движению сопротивления верующих в СССР, написанные участниками движения на основании своего собственного опыта, названы "основанными на слухах". Удар, нанесенный с тыла людьми, видимо, не отдававшими себе отчета в том, что они делают, пришелся частично вхолостую. Коллектив сотрудников, несмотря на нажим, продолжал свою линию, лишь иногда идя навстречу требованиям американской администрации. Здесь невольно приходит в голову следующая мысль. Утверждение о никчемности эмиграции в любой интеллектуальной деятельности — постоянный конек советской пропаганды. За все время существования Ин-та это утверждение, плохо прикрытое, про-

являлось постоянно как со стороны спонсоров, так и со стороны некоторых групп соотечественников. Возможно, что кто-то в данном отношении и попал на советский пропагандный крючок и не по злому умыслу, а по непониманию сущности этого утверждения пускал его в ход.

В шестидесятых годах Ин-т в научном отношении буквально расцвел и приобрел заслуженный авторитет. Москва молча смотрела на все это, подготавливая сокрушительный удар, а пока в порядке "научного обмена" забирала образцы институтских изданий, "глота" все, написанное в них. Задача Москвы состояла в том, чтобы уничтожить Ин-т западными, а не восточными руками. Роковой удар был нанесен американскими руками в самом начале семидесятых годов. Институт был уничтожен политикой разрядки в ее "восточном понимании", руками незадачливых ее творцов, пытающихся теперь оправдаться тем, что они вводили ее в "западном варианте". Думать, что Москва пойдет на честное выполнение правил игры в "разрядку" в ее так называемом западном понимании, могли только люди, ничего не понимавшие в советской системе, а не "выдающиеся специалисты" по внешней политике. Одним из разрядительных пожеланий Москвы было немедленное закрытие Ин-та. Мюнхенский Институт в расцвете своего существования был любезно подарен "товарищу Брежневу" Никсоном и Киссинджером во имя их фантастической "глобальной политики". Трагическая символика этого события заключалась также и в том, что одновременно или почти одновременно Москва с наглой ухмылкой открыла у себя Институт по изучению США и Канады, во главе которого стал неизвестный Арбатов. Раньше Мюнхенский Институт распространял свою печатную продукцию, посвященную изучению безбожной, тоталитарной и античеловеческой природы коммунизма и острые правдивые анализы текущей политики Москвы; теперь же советский аналогичный институт ведет острую и порой умную пропаганду против Америки во всем мире.

Институт, повторяем, был продан во имя разрядки, которую западные ее поклонники мыслили в своем собственном западном понимании. Если же говорить принципиально, то американцы, в сущности, не имели никакого права закрывать Ин-т в Мюнхене, как они это сделали. Мюнхенский Ин-т был создан не ими, но впоследствии был поглощен Американским комитетом освобождения. Институт был, согласно своему уставу, зарегистрирован Обществом, числящимся в соответствующих официальных немецких инстанциях. В уставе имелись соответствующие пункты об условиях и процедуре прекращения его де-

тельности. Ничего этого не было соблюдено. Если кто-то захотел услужить Брежневу и К^О, то надо было предупредить заранее коллектив сотрудников о невозможности больше субсидировать их работу, предложить им постепенно найти какой-нибудь другой источник помощи, если они желают сохранить созданное ими самими учреждение, внести в последний раз необходимую сумму, примерно в размере годового бюджета, после чего прекратить свое участие в деятельности этого учреждения и отойти от него. Это было бы правильно и по-джентльменски. К сожалению, ничего похожего не было сделано. Наоборот, Ин-т был спешно закрыт. Старались угодить скорее "товарищу Брежневу".*

Москва расценила все это по-своему и, как всегда, лживо. Отмечая 21 год существования Мюнхенского Института изучения СССР, советская печать радостно сообщила: 31 декабря текущего года Ин-т закрывается и будет ликвидирован, так как американский Конгресс урезал фонды. Вашингтонские либералы в Конгрессе свели свои счета с Ин-том и лихо послужили дорогому и, конечно, прогрессивному "товарищу Брежневу". Формально Институт был закрыт 12 июня 1972 года.

Через три года после закрытия Ин-та в советской литературе появилась "надгробная эпитафия" Ин-ту, говорящая сама за себя. В книге сотрудника аппарата ЦК КПСС Э. И. Лисавцева, посвященной рассмотрению проблем западного религиоведения, обращенного к СССР, имеется следующее место, посвященное уже закрытому Ин-ту:

"Весьма показательна в этом отношении деятельность одного из ведущих центров буржуазного религиоведения и форпоста религиозной пропаганды на СССР и другие страны социализма — "Института по изучению СССР", созданного в 1950 г. в Мюнхене. Как сообщали его представители, "институт" — это "объединение научных работников различных национальностей, поставивших перед собой задачу путем систематического анализа процессов, протекающих в СССР, объективно информи-

ровать свободный мир о положении в СССР". В "институте" работало около 80 сотрудников, в основном перебежчики и эмигранты из советской страны. Они выпускали книги и журналы на десяти языках, проводили научные конференции, симпозиумы и семинары, давали консультации по вопросам "советоведения". Одним из постоянных аспектов такой деятельности было "изучение" положения религии и церкви в СССР, о результатах которого широко оповещали с помощью всех современных средств пропаганды".*

Мы заканчиваем эту статью о Мюнхенском Институте. Мы написали ее, имея в виду несколько конкретных целей. Об одной цели мы уже упоминали: это цель историческая — сохранение в истории всего того, что делала вторая эмиграция за рубежом в тяжелые дни своего зарубежного скитания. Мы хотим довести таким путем до сведения будущей послекоммунистической России правду о том, что именно происходило за рубежом на определенном участке нашей деятельности. Мы хотим одновременно ознакомить новые слои эмиграции с происходившим и дать тем самым некоторые ориентиры в области их взаимоотношений с западным миром. В этих отношениях надо прежде всего снять розовые очки и смотреть более реально на все окружающее. Мы хотим предупредить будущую четвертую или пятую российскую эмиграцию, которая, вероятно, все же будет, от излишнего идеализма в ее предполагаемых взаимоотношениях с западным миром.

Пишущий эти строки прошел весьма тяжелый, почти сорокалетний путь религиозного и политического эмигранта. И этот путь подсказал мне следующее: лучше иметь свое скромное, даже малое, но независимое и свободное, чем гоняться за дотациями, "грантами", пособиями и т. п., зависеть от них и постепенно терять, в сущности, то, ради чего люди эмигрируют из СССР. Я имею в виду идейные мотивы эмиграции, а не просто желание переменить образ и уровень жизни. Путь этот тяжел и труден, но, как мне кажется, иного пути у нас нет.

В. ПИРОЖКОВА

ОБРАЗ ЛЕВОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

На процессе нечаевцев в 1871 г. был прочитан "Катехизис революционера", правила к действию революционеров, которые боролись против царского правительства и против всего строя — и, как мы увидим, — не только строя

тогдашней России. "Катехизис" был составлен Бакуниным и Нечаевым, когда Петр Нечаев посетил М. Бакунина за границей. Поэтому одни авторы приписывают его авторство Бакунину, другие — Нечаеву, но вернее предполо-

*Злые языки утверждали, что на собрании, посвященном закрытию Ин-та, было распито шампанское. Вполне возможно. Удивляться не приходится.

*Э. И. Лисавцев. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. Изд. 2-е, Москва, изд-во "Мысль", 1975, стр. 276.

жить авторство обоих, причем значительно старший и уже имевший громкое имя Бакунин, вероятно, оказал большее влияние на содержание, чем тогда 23-летний Нечаев. Да и "почерк" Бакунина чувствуется на всем документе.

К процессу повело, как известно, убийство студента Иванова. Полиция, найдя убитого, не предполагала сначала никакой политической причины, но в ходе расследования выяснилось, что Иванов был убит революционной пятеркой, которые начал образовывать Нечаев, т. к. Иванов хотел отойти от революции. Он был убит при передаче печатной машины, которая хранилась у него и теперь должна была быть возвращена пятерке. Как известно, Достоевский использовал этот мотив в "Бесах": убийство Шатова происходит так же, как и убийство Иванова, что, конечно, не означает, что их характеры и последующие (после отхода от революции) воззрения совпадали.

Когда "Катехизис" был прочитан на процессе, возмутились даже многие революционеры, но царское правительство не умело вести пропаганды в свою пользу. Достаточно было бы размножить этот документ, чтобы оттолкнуть хотя бы часть интеллигенции от революции. Но два экземпляра, попавшие в руки полиции, остались лежать в архиве. Один потом сгорел при пожаре. Второй был в 1926 г., при сравнительной свободе НЭП'а, опубликован в книге Ю. Стеклова "М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность"¹. Мы перепечатываем здесь этот документ, снабжая его нашими комментариями.

ПРАВИЛА, КОТОРЫМИ ДОЛЖНЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Отношение революционера к самому себе

§1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§2. Он в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, представляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь

механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§5. Революционер — человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть, и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Вчитаемся внимательно в эти слова. Революционер не должен иметь никакой нравственности. Он не должен иметь "изнеживающих" чувств, он не смеет их иметь. Он не смеет любить никого — разве что своих товарищей по революции (отношению к ним посвящен следующий отдел), но нет, и своих товарищей он не смеет любить. Он не смеет любить никого как человека, как личность, именно эту, особую личность. Ведь стоит товарищу изменить хоть немного свои взгляды, получить хотя бы сомнение, как это было, видимо, со студентом Ивановым, — его следует убить. Ни узы крови, ни родственное чувство, ни чувство жалости

или милосердия не должны затрагивать революционера.

Интересно и характерно, что он не должен быть даже восторженным, воодушевленным, им должна владеть **холодная** страсть. Восторженность, воодушевление, мечта об идеале — это же все человеческие чувства. А революционер должен стать холодным чудовищем. Во имя чего? Во имя революции, т. е. разрушения. Не во имя лучшего будущего, не во имя какого-то идеального строя, пусть утопического, но субъективно для данного человека привлекательного, нет, лишь во имя всеобщего разрушения.

А потом? Что будет потом из этого? Кем станет этот человек **после** разрушения? Каждый человек до известной степени творит сам себя. Каждый его поступок, каждое принятое решение, даже каждая мысль меняют его в ту или другую сторону. Нигде в мировой литературе это не показано так наглядно, как в гениальном романе Оскара Уайльда "Портрет Дориана Грэя". Магическим образом после каждого поступка героя книги там менялся его портрет, так что все изменения оригинала можно было увидеть на портрете простым глазом. Уже когда юноша Дориан отвернулся от любившей его девушки, на губы портрета легла жесткая складка. Дориан выглядел в жизни и в 40 лет, как чистый, цветущий 20-летний юноша, но о его жизни ходили страшные слухи. Когда художник, написавший 20 лет тому назад этот портрет, спросил Дориана о его образе жизни, Дориан показал ему портрет своей души. И художник увидел портрет обрюзгшего, отталкивающего, полного вожделения почти что старца, хотя Дориану было только 40 лет, а в момент написания портрета — 20. На самом деле никто, кроме Бога, не может увидеть полностью портрет души другого человека, да и своей собственной. Но какими были бы эти портреты у бакунинско-нечаевских революционеров!? И после революции они бы вдруг стали хорошими, добрыми людьми? Откуда они взяли бы эти добродетели, вытравленные ими самими из своих душ? Но о "потом" ни Бакунин, ни Нечаев не думали. Это им было безразлично. "Страсть к разрушению тоже творческая страсть!" — писал Бакунин в своей знаменитой статье "Реакция в Германии", напечатанной под псевдонимом Жюль Элизар в *Deutsche Jahrbücher* в 1842 г.

Коммунисты отреклись от "Катехизиса" Бакунина и Нечаева, т. к. он был в глазах многих скомпрометирован. Но разве они не поступают именно так? Ленин тоже считал, что все морально, что служит коммунизму. Он четко сказал об этом на III съезде комсомола в 1920 году. Да, у него была положительная цель, но на деле и он больше заботился о революции, чем о созидании после нее. То, что он успел сде-

лать, достаточно страшно, но намного он революцию не пережил. А "мораль" революционеров осталась и по сей день официальной моралью. Отклоняя ленинскую премию за повесть А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", "Правда" писала, что в повести высказывается "мелкобуржуазная" жалость и по отношению к тем, кто "сидел за дело", т. е. был противником советской власти. Мы и не знали, что "мелкие буржуи" — такие высоко-моральные люди! Но, во всяком случае, "мораль", вернее антимораль, все та же: не жалей, не люби никого, кто не "наш товарищ".

Отношение революционера к товарищам по революции

§8. *Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.*

§9. *О солидарности революционера и говорить нечего. В ней — вся сила революционного дела. Товарищи революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.*

§10. *У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, т. е. не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.*

§11. *Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.*

Пусть не ошибется читатель: и к товарищу мера дружбы и преданности определяется единственно его полезностью для революции. Представим себе, что один из товарищей в ходе борьбы был тяжело ранен и остался парализованным до конца жизни. От него, конечно, следует полностью отвернуться и оставить его на произвол судьбы. Ведь такой товарищ никакой пользы больше принести не может, даже если его убеждения остались прежними. Или, может быть, он еще может давать полезные советы? Но уж такого, который, скажем, лишился речи, надо прямо выбросить в мусорную яму. Трудно придумать больший цинизм.

Вообще весь отдел совершенно ясно показывает, что и по отношению к товарищам дело идет не о личностях, а о вещах в глазах составителей "Катехизиса". "Революционеры второго и третьего разряда" — это "капитал" в руках вождей. Вожди могут применять и использовать их, как считают нужным. Нет даже тени уважения к личности другого. Но разве коммунисты не поступают и до сего дня с людьми именно так? Именно как с "капиталом", с вещами, которыми они могут распоряжаться по своему усмотрению.

Отношения революционера к обществу

§12. *Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.*

§13. *Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью² его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-нибудь человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и всё должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.*

§14. *С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все слои³ — высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III Отделение и даже в Зимний дворец.*

§15. *Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. 1-я категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловерности для успеха революционного дела*

так, чтобы предыдущие номера убирались прежде последующих.

§16. *При составлении такого списка и для установления вышенареченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и временно⁴ полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.*

§17. *Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.*

§18. *К третьей категории принадлежат множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, — сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разных революционных предприятий.*

§19. *Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтобы возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.*

§20. *Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздноглаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.*

§21. *Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда: одни — пустые, обесмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться как третьей и четвертой категориям мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического рево-*

люционного понимания; их должно употреблять как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши, т. е. вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они — нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которого нам обойтись невозможно.

В этом "отношении революционера к обществу" мы видим программу действий всех революционеров. И до сего дня по этой программе действуют коммунисты.

Дается совет лгать, притворяться и инфильтрировать все слои общества, не исключая Церкви и правительства. Это и делается сейчас так же, как делалось прежде. От, так сказать, обычных шпионов, которые бывали во все времена, эта инфильтрация повсюду отличается не только количеством, огромным размахом, но и качеством. Если прежде шпионы засылались преимущественно во вражеские армии, для того, чтобы собирать сведения и давать информацию своей армии или своему правительству, чтобы доставать секретные документы или, во время войны, иногда производить действия саботажа, взрывы и пр., то теперь коммунисты, кроме этого, и притом в так называемое мирное время, т. е. при отсутствии состояния войны, засылают еще и агентов влияния, так же, как и агентов молчания. Агенты влияния не должны вести шпионской деятельности: их задача путем провокации постепенно внушать окружающим те мысли, которые выгодны коммунистам, причем так, чтобы это окружение принимало подсказанные ему мысли за искренние убеждения агента влияния. Нас даже удивило, что нашелся материал для осуждения бывшего референта бывшего канцлера Зап. Германии Вилли Брандта — Гюнтера Гийома. Последний прошел длинный путь от простого члена соц.-дем. партии до референта канцлера. Причем Гийом на словах всегда стоял на правом крыле своей партии. Его задачей было в первую очередь оказывать влияние на политику Брандта, что он и делал весьма успешно. Но, видимо, когда он достиг такого положения, что в его руки попадали сверхсекретные документы НАТО, его хозяева поддались искушению использовать его и как обычного шпиона. Это его и погубило. За шпионаж, за выдачу секретных документов судят, но за влияние в демократических странах судить невозможно. Да и никто не может доказать, что Гийом или кто-то другой высказывал не свои собственные мысли — пусть они потом оказались ошибочными, — а действовал по заданию одного из коммунистических государств.

Агенты же молчания не должны даже и пытаться шпионить или оказывать влияние на

свое окружение. Попытка оказывать влияние может быть замечена. Под суд за это не отдадут, но доверие может оказаться потерянным. Агенты молчания должны постоянно притворяться, всегда высказывать иные взгляды, чем их собственные. Они должны лишь стараться занять ключевые посты в политике, в хозяйстве, в культурных учреждениях и т. д. Откроются они только в тот момент, когда их хозяева дадут им знак, что готовится переворот или оккупация данной страны. Тогда они вдруг окажутся на соответствующих, нужных их хозяевам, коммунистам, постах.

Совет убивать умных и энергичных деятелей, а щадить менее умных и менее энергичных или даже злых, выполнялся революционерами давно. Они убили великого императора-реформатора Александра II и убили Столыпина. Уже во время немецкой оккупации мне пришлось разговаривать с занесенным в Псков войной уже немолодым человеком, который рассказывал мне, что он 15-летним мальчишкой тоже вращался в революционных кругах; когда был убит Столыпин, он спросил одного из революционных руководителей: "Отчего убили Столыпина? Надо было убить самого императора Николая II". На это руководитель ответил: "Николай нам не мешает, а Столыпин отодвинул бы революцию на 50 лет". Тогда и этот мальчишка задумался и постепенно понял, что революционеры не хотели блага народа, — по крайней мере их главные руководители, — а хотели именно революции во что бы то ни стало. И он отошел от революционных кружков, а в гражданскую войну сражался уже в Белой армии.

В наше время ведется все та же политика. Есть и физические убийства, но многие из них заменены "убийствами" людей как политиков. В 1964 г. от республиканцев в США баллотировался в президенты Бэрри Голдуотер. Это — умный антикоммунист. В споре с принесшим много вреда сенатором Фулбрайтом, который спросил Голдуотера насмешливо: "Хотите вы перевоспитывать весь русский народ, если произойдет желаемое вами свержение коммунизма?" — второй ответил: "Русский народ не надо перевоспитывать; нужно было бы лишь свергнуть эту власть, и русский народ сам найдет иные, лучшие формы правления". Голдуотер умел различать между коммунистической властью и русским народом, равно как и другими народами, населяющими теперешний СССР. Это как раз было опасно для коммунистов. Голдуотера травили нещадно. После окончания предвыборной кампании тогдашний редактор "Нового Русского Слова", теперь покойный М. Вейнбаум, написал потрясенно, что за 40 лет своей журналистской деятельности в США он еще не пережил того, чтобы каждое слово политика так переверты-

валось и искажалось, как это было сделано с Голдуотером. Его объявили расистом, хотя он — полуеврей и был уже давно членом Лиги помощи неграм, а будучи мэром в Фениксе (Аризона), уничтожил там имевшуюся еще тогда сегрегацию. Его сделали фашистом, хотя он был против дальнейшей централизации государства, был за большую федерацию и за большее уважение к отдельной личности, тогда как сущность фашизма заключается именно в фетишизации сильного централизованного государства. Фашизм (мы имеем в виду настоящий фашизм, итальянский) — это этатизм в его чистой форме, а Голдуотер был как раз противником этатизма. В Германии многие искренние антикоммунисты считали Голдуотера невозможным претендентом на президентский пост, не потрудившись ознакомиться с его выступлениями и произведениями. Простому человеку не только в другой стране, но и в США трудно было разобраться, где же правда, если почти все газеты искажали эту правду и травили ее носителя.

После поражения Голдуотера в 1964 г. маленькая, но, как видим, довольно сильная компартия США заявила откровенно: "Голдуотера мы политически убили, теперь очередь за Джонсоном". И Джонсон, блестящий победитель на выборах 1964 г., отказался в 1968 г. баллотироваться на второй срок. Пропагандой против войны во Вьетнаме убили политически и Джонсона.

Нечто вроде этого удалось сделать со Штраусом, самым умным политиком в Германии сейчас. Его не удалось полностью политически ликвидировать, но удалось устроить такую атмосферу, что для него невозможно занять тот пост, который подошел бы ему согласно его политическим талантам — пост канцлера. Сколько раз мне приходилось слышать, как люди бездумно повторяли: "Штраус — опасный человек". Да, он опасный, но спрашивается: для кого? Для коммунистов и других левых. Но этого как раз не понимали те, кто соглашался считать его опасным, хотя большей частью это совсем не были прокоммунисты.

Вот два ярких примера, но можно было бы привести гораздо больше.

Но отчего значительная часть прессы и особенно журналисты радио и телевидения так склонны поддаваться коммунистическим наплевательствам? Это сложный вопрос, который мы в рамках этой статьи решить не можем. У нее другая тема.

Дальше в "Катехизисе революционера" следуют советы заниматься шантажом и вымогательством. Все самые грязные, самые бесчестные средства надо использовать для "чистого" дела революции. Но цель, даже если она хороша, не оправдывает средств. Напротив: средства понемногу видоизменяют цель. Средства

определяют ту фактическую цель, к которой приходит движение, применяющее эти средства. Но продолжим цитирование "Катехизиса".

Отношения товарищества к народу

§22. У товарищества нет⁵ другой цели, кроме полного освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всепоглощающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению⁶ тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§23. Под революцию народное товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образцу — движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительное для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§24. Товарищество поэтому ненамеренно навязывает народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, выработается из народного движения и жизни, но это — дело будущих поколений. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всепоглощающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

Конечно, все делается для счастья народа, но сначала нужно этот же самый народ сделать как можно более несчастным! Для его же пользы, разумеется. Сколько здесь высоко-

мерия, сколько презрения к тому же народу, который мучительством нужно довести до "настоящего понимания", какой это барский жест! Сколько в этом неосознанного самим Бакуниным крепостничества. Не случайно же был он барином до мозга костей!

Но разве не говорил и Ленин, что "чем хуже, тем лучше"? Отчего он так ненавидел профсоюзы, метал громы и молнии в "тредьюнионизм"? Да потому, что профсоюзы улучшали материальное положение рабочих и уменьшали у них склонность к революции. В наше время такой склонности у рабочих совсем нет. На последних выборах в Зап. Германии именно рабочие ушли от социал-демократов и голосовали за христианских демократов. Ушли даже от все же умеренных социал-демократов, а уж о коммунистах и говорить нечего. Если, согласно опросам, в Зап. Германии 70% студентов считают коммунистическую идею (но не практику) хорошей, то 80% рабочих считают плохими как практику, так и идею.

Если до сих пор все параграфы "Катехизиса" подходили и к коммунистам, даже если эти последние не во всем признаются, то последние три — это уже утопический анархизм Бакунина. Хотя, что касается разбойников... ведь считаются же уголовники в советских концлагерях в противоположность политическим "социально близким элементом"!

Но полное отрицание всякой будущей организации — это не для Маркса с его диктатурой пролетариата. На этом Бакунин и разошелся с Марксом в I Интернационале. Бакунин не любил Маркса, называл его авторитарным, будущим диктатором и пр. Это Бакунин заметил правильно.

Но что делал сам Бакунин? Когда создалась Парижская коммуна, Бакунин был в Италии. Он поспешил в Париж, но застрял в Лионе, где тогда возникла маленькая и малоизвестная коммуна. Руководство ею перенял Бакунин. И все руководство заключалось в том, что он... ничем не руководил. Пусть народ сделает все сам, заявил он. В результате коммунары подождали немного и просто разошлись по домам. Лионская коммуна рухнула очень скоро и бесславно, но зато бескровно.

К сожалению, у не-бакунинца, но в этом вопросе действовавшего почти как Бакунин, первого премьера Временного правительства кн. Львова был жестокий противник. Кн. Львов по-бакунински заявил, что, собственно гово-

ря, ничем руководить не надо, народ, мол, сам все сделает. Но власть, лежавшую на земле, поднял страшный диктатор Ленин, хотя уж тогда, когда во главе стоял не кн. Львов (это ему пришлось уйти еще раньше).

Приведем еще один пример из жизни Бакунина. Его почитатели, — у таких людей почему-то всегда есть почитатели, — подарили ему виллу. Но одной виллой жену и детей не накормишь, и Бакунин решил, что в саду должны произрастать овощи, которые будут служить семье подспорьем. Он купил разных семян и высыпал их просто в траву — они должны были сами устроиваться, так же, как и народ после революции. Но они не устроились, сорняки их полностью заглушили, и из огорода Бакунина ничего не вышло.

После ареста почти всех его соратников Нечаев бежал за границу к Бакунину. Жить Нечаеву было не на что, а Бакунин сам всегда сидел без средств. Богатый Герцен поддерживал его, но давать деньги Бакунину было все равно, что сыпать в бездонную бочку: он всегда умел их истратить на поддержку революционной иллюзии где-нибудь в Молдавии или на другом краю света. Тогда Нечаев выкрал личные письма Бакунина и продал их любителям — Бакунин в то время был уже весьма знаменит. Бакунин был возмущен! А Нечаев показал ему "Катехизис": все нравственно, что служит революции! И Нечаев не лгал, что он собирал деньги для революции. Он вернулся в Россию, продолжал революционную деятельность, был арестован и умер в тюрьме. Но на Бакунина доводы Нечаева и даже их же собственный "Катехизис" не оказали никакого действия, он горько жаловался Герцену на Нечаева. Вот таковы все левые. Другими людьми они распоряжаются беспощадно и произвольно, но их "драгоценную" личность затронуть нельзя, — тут они сразу начинают жаловаться и забывают свои же принципы.

В заключение и для полноты образа бакунинского революционера отметим, что Бакунин провозгласил сатану прообразом революционеров. Он говорил, что легко отрицать Бога, не веря в Него, но сатана знал, что Бог есть, и все же восстал против Него. Вот это и есть настоящий революционер! Бакунин, правда, заявлял, что Бога нет, но тут же добавлял, что если Бог есть, то Его надо уничтожить. Этим, думается, образ закончен, образ, который в большей или меньшей степени оказался действительным для большинства левых революционеров до сего дня.

¹Отобранный у Успенского экземпляр "Катехизиса" погиб вместе с другими документами по нечаевскому делу во время пожара Петербургской судебной палаты в феврале 1917 года. Но при разборе секретного архива б. III Отделения в 1924 году найден был другой (?) его экземпляр, который, после новой

расшифровки, и опубликован А. Шиловым в № 1-2 журнала "Борьба классов" 1924 г., откуда мы и заимствуем исправленный текст "Катехизиса", причем сами вносим кое-какие (оговоренные) исправления в текст Шилова. Первую его часть, организационную, мы пропускаем. (Прим. Ю. Стеклова в его книге. — Ред.).

²В оригинале "вело". Шилов, вслед за "Правительственным Вестником", читает "верою". Но тогда дальше следовал бы предлог "в" с винительным падежом, а не родительный падеж без предлога. Мы думаем поэтому, что нужно читать "целью". Это, впрочем, видно и по параграфу 14.

³В оригинале сказано "сле". Думаем, что надо читать не "сословия", а именно "слои", иначе пришлось

бы допустить пропуск не одной, а нескольких букв, что маловероятно.

⁴В оригинале "кремего".

⁵В оригинале "ведь".

⁶Ясно, что здесь это слово употреблено в смысле: обобщению, расширению.

Д. ШТУРМАН

"ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОН ЗОЛОТОЙ..."

*Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!..*

П.-Ж. Беранже

Под таким заголовком и с тем же эпиграфом была напечатана в № 28 "Голоса Зарубежья" моя статья об утопиях Мора, Кампанеллы и Вераса. Она представляет собой главу из будущей книги, посвященной протосоциалистическим и социалистическим учениям прошлого и настоящего. Статья, следующая ниже, тоже является главой этой книги — вторым разделом ее третьей части, посвященной Сен-Симону, Фурье и Оуэну. Она печаталась по частям и с некоторыми сокращениями в газете "Русская мысль" (Париж) в конце 1982 — начале 1983 годов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гармония Шарля Фурье

Марксистская традиция относит Фурье, как и Сен-Симона, к числу социалистов-утопистов. Однако и Сен-Симон (1760—1825), и Фурье (1772—1837) считали свои сочинения научными и свои проекты — открытиями, а не предложениями или программами¹. Подобно им, Маркс называл научным открытием свою идею диктатуры пролетариата. Глобально-преобразовательная социальная мысль, как правило, принимает свои ПРОГРАММЫ и ПРОГНОЗЫ желательного для нее будущего за ОТКРЫТИЯ чего-то, имеющего объективную неизбежность возникнуть в природе. Глубокая вера в то, что нечто всего лишь ПРЕДПОЛОЖЕННОЕ или ЖЕЛАЕМОЕ ОТКРЫТО, то есть опытно УСТАНОВЛЕНО, порождает гипнотизирующую безапелляционность суждений и тона. А поскольку во множестве слушателей и читателей присутствует то же самое стремление верить, что и в создателе утешительной социальной доктрины, то за последней и закрепляется слава

ОТКРЫТИЯ, а не всего лишь ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ. Между тем относительно будущего принципиально нельзя совершать открытий: будущее — это поле гипотез и планов. Последнее надо бы иметь в виду, внимая призывам переделывать мир согласно какой бы то ни было (сколь угодно соблазнительной) модели светлого будущего.

К чести Фурье, следует сказать, что он, как и Сен-Симон, призывал лишь к мирному и добровольному испытанию своего проекта. Но его убежденность в безошибочности всего им "открытого" была столь глубока и выражалась так страстно, что его последователи вскоре заторопились действовать куда решительней, чем их учитель, и начали призывать к революции.

Страсть человеческого ума строить упорядоченные модели всего сущего — страсть естественная, неистребимая и (не безоговорочно, но достаточно часто) весьма продуктивная. Фурье подвержен ей маниакально, хотя эта страсть и не числится в усмотренной и описанной им иерархии страстей человеческих. С категорическим и наивным апломбом он многократно отождествляет свои модели мира, человека и общества с замыслом Бога о мире, человеке и обществе:

"Когда я узнал (подч. Д. Ш.), что общественный порядок, основанный на прогрессивных сериях (объяснение этому термину — см. в главе об организации труда в фаланге, — прим. составителя упомянутой книги), обеспечивает полное развитие влечений всех полов, возрастов и классов, что в этом новом порядке сила и благосостояние отдельных индивидуумов будут тем больше, чем они будут иметь страстей, — я пришел к следующему выводу: если Бог дал столь большое влияние притяжению страстей и столь мало значения противоположному ему началу, то только для того, чтобы указать нам путь к этому порядку прогрессивных серий, порядку, всецело основанному на законе притяжения... и отсюда я пришел к аналитическому и синтетическому исследованию притяжения и отталкивания

страстей (курсив Фурье), которое и привело меня непосредственно к открытию (подч. Д.Ш.) земледельческой ассоциации (т.е. к открытию плана организации земледельческих общин, пример которых должен изменить весь существующий общественно-хозяйственный порядок, — прим. составителя сборника)“.

Причудливым образом видение будущего, предстающего перед Фурье, облачено им в математические одежды.

“Теория притяжения и отталкивания страстей, — пишет он, — имеет характер математической теории” (228).

Подробнее и многократно произведя классификацию, подсчеты, измерения (по какой-то странной шкале) владеющих человеком страстей, дав им диковинные названия и малодоступные истолкования, Фурье заключает:

“Таким образом была открыта новая точная наука (подч. Д. Ш.) — аналогия четырех движений: *материального, органического, животного и социального* (курсив Фурье), или аналогия модификации материи с *математической теорией притяжения страстей* (курсив Фурье)” (228).

“Я узнал вскоре (подч. Д. Ш.), что законы притяжения страстей во всем сходны с законами материального притяжения, открытыми Ньютоном и Лейбницем” (228).

Приковывает к себе внимание следующая автохарактеристика:

“Я приношу больше новых наук, чем было найдено рудников золота при открытии Америки, но, не имея необходимых знаний, чтобы разобрать все эти науки, я беру на себя только одну — науку о социальном движении. Я предоставляю все остальные ученым, которые сумеют воздвигнуть на заложенном мною фундаменте величественное здание” (228).

“Была открыта новая точная наука”, “я узнал”, “я открыл”, “на заложенном мною фундаменте”, “я приношу больше новых наук...” (228), “когда я был еще новичком в деле вычисления связанной с каждой отраслью индустрии доли влечения” (294)... — все это, повторяю, сказано с неподдельной серьезностью и с неподражаемой самоуверенностью, которую нисколько не ослабляет признание в недостатке “знаний, чтобы разобрать все науки”.

Свою модель будущего общества Фурье называет “комбинированным порядком”. Он пишет:

“Бог должен был, формируя наши характеры, согласовать их с комбинированным порядком, который продлится 70000 лет, а не с разобщенным порядком, продолжительность которого только 10000 лет” (229-230).

И далее следуют “математизированные”

примеры соответствия страстей человеческих замыслу Бога о человеке и обществе. К примеру: 3/4 всех девушек не любят домашнего хозяйства “и, напротив, имеют большое влечение к украшению, волокитству и мотовству”.

Но порочны не эти девушки, а современный социальный механизм: 10000 лет велось разобщенное хозяйство, и все женщины были им заняты. Но 70000 лет хозяйство будет вестись ассоциацией коллективно (“комбинированный порядок”), и для этого хватит поочередной работы 1/4 или 1/6 всех женщин. Остальные смогут предаваться своим природным страстям. Итак, порочны не 3/4 женщин, “а лишь цивилизация и философия, не соответствующие природе страстей и предначертаниям Бога” (230).

Фурье уверен, что “тот же самый аргумент можно привести по отношению к каждой отрасли, которые именуются у нас порядками... все наши страсти и черты характера хорошо и разумно распределены... надо их развивать, а не исправлять природу” (230).

“...Обязанности исходят от людей, влечения — от Бога” (231). И Фурье перечисляет те фундаментальные страсти, “к которым стремятся все люди всех положений, всех возрастов. Эти страсти суть: 1) люксизм, или стремление к роскоши; 2) группизм, или стремление к образованию групп; 3) серизм, или стремление к образованию серий” (233).

“Люксизм” и “группизм” понятны по определению. К “серизму” мы еще вернемся. Кроме этих трех главных страстей, Фурье называет, многократно определяет, соизмеряет и комбинирует 12 страстей второстепенных:

“Мы будем иметь часто случаи возвращаться к этому подразделению 12-и второстепенных страстей на 5 телесных, или чувственных, 7 душевных, отражающих душевные движения (таковы 4 нежных, трогательных и 3 направляющих) и их общий очаг или ствол — *унитеизм* (курсив Фурье), страсть, заключающая в себе три первоначальные ветви и являющаяся результатом их совместного действия. Унитеизм есть стремление человека, направленное к тому, чтобы согласовать свое счастье со счастьем всех окружающих. ...Это безграничный филантропизм” (233).

Из многообразных оттенков всех страстей и их многократно рассмотренных автором различных сочетаний и переплетений возникает, по Фурье, “бесконечное разнообразие характеров, которые, впрочем, можно свести к 800 (810) типичным чертам. Природа случайным образом распределила эти черты между детьми обоих полов, но с таким расчетом, что между 800—810 детьми, взятыми без предварительного отбора, можно найти зародыши всех совершенств, которых могут достигнуть человеческая душа и ум, т. е. что каждый из них

обладает в зародыше способностью сравняться с наиболее гениальными людьми всех времен и народов, как Гомер, Цезарь, Ньютон и т. п. Следовательно, если разделить на 800 (810) цифру в 36 миллионов, которой достигло население Франции, то окажется, что в этом государстве существуют 45000 лиц, способных сравняться с Демосфеном и т. д., если бы они были подготовлены к этому с трехлетнего возраста и если бы они получили *естественное воспитание* (курсив Фурье), развивающее все склонности, вложенные в нас природой. Но это воспитание может иметь место только при строе прогрессивных Серий, при режиме Ассоциации. Можно заключить отсюда — какова в этом новом порядке будет роль великих людей различных родов деятельности, если население одной Франции может дать их по 45000 в каждой отрасли" (237).

Серьезность этих расчетов не требует особого комментария.

Итак, все рассмотренные Фурье страсти, воплощенные в 800 (810) характерах, "и ведут общество к установлению общественного и домашнего механизма, совершенно неизвестного при цивилизации, но известного доисторическому обществу. Это — потерянный секрет счастья, который нужно вновь открыть. Исследование Гармонии страстей таким образом должно быть направлено на искусство образовать и механизировать серии групп" (233).

Фурье, как вскоре после его кончины Маркс и Энгельс, видит цель своей деятельности в восстановлении некоей модернизированной идеализации первобытнообщинного равенства. Первобытнообщинный строй воспринимается всеми тремя как утраченный золотой век. О жестокости первобытной половозрастной иерархии, столь близкой к физиологической иерархии стада, они ничего не знают. Нет сословий и производственных классов — значит, нет неравенства. Нет неравенства — значит, господствует "потерянный секрет счастья, который нужно вновь открыть". Это спиралевидное движение вверх и одновременно вспать есть, по-видимому, идеал реактивный — отталкивание от многосложной и противоречивой действительности к мнимой простоте модернизированного прошлого.

Итак, счастья человечество достигнет тогда, когда оно поймет и примет "законы движения" и "притяжения", перенесенные Фурье в личную и социальную сферы существования. Характерно, что эти законы, несмотря на их, по убеждению Фурье, объективность, не самопроявляются до "открытия" и принятия их человечеством, т. е. без их сознательного исполнения, хотя как некие органические алгоритмы человеческого бытия они должны были бы действовать и независимо от воли

людей. Однако здесь вмешивается и нарушает оптимальное течение исторических и доисторических событий свобода выбора, которой наделено человечество. Так, "первая фаза" или "детство человеческого рода", должна была, по Фурье, продолжаться 5000 лет (239). Но люди, благодаря полученной ими от Бога свободе выбора и из-за неточности своих наук, произвольно затянули этот период на 7000 лет. Но появление учения Фурье дает, по его утверждению, основания надеяться, что человечество вскоре перейдет к истине самопонимания и к освоению правильных законов своего развития. "Социальное движение будет иметь правильный ход" (240), и после "долгого периода счастья" (70000 лет), когда все "изменения будут лишь вариациями наслаждений, а не опустошительными революциями" (240), правильная эволюция "приведет земной шар в состояние дряхлости" (240).

По-видимому, все эти сроки, как и у Сен-Симона, обусловлены переносом усредненной схемы индивидуального бытия (с продолжительностью жизни примерно в 80 лет) на человеческую историю, причем все сроки увеличиваются в 1000 раз. При этом предполагается, что, если бы первобытное общество могло обрести современную технологию и правильное представление о себе, человечество сразу перешло бы от него к Гармонии.

Переход от "разобщенного общества" к "обществу простых серий"² "может быть достигнут лишь на основе преобразования индустрии и домашнего хозяйства, а не административных систем, которыми исключительно занимается философия" (241—242).

Придание определяющей роли экономике, способу производства, а не политическим "надстройкам" над ним тоже превосходит марксизм. Далее следует патетическая критика всех фаз и периодов "разобщенного мира". И, наконец, ставится главная задача, должностная объединить все ценные силы и умы цивилизованных обществ (все дальнейшее выделено в тексте Фурье курсивом):

"Найти новый социальный порядок, который обеспечил бы последнему из производителей благосостояние в таких размерах, чтобы он постоянно и добровольно предпочитал свой труд тому состоянию безделья и разбойничества, к которому он стремится в настоящее время" (248).

По глубочайшему убеждению Фурье, он этот новый порядок нашел.

Что же такое "серии групп" — основа основ фурьеристской "ассоциации", заполонившей европейскую (в том числе и, может быть, наиболее сильно — российскую) мысль XIX столетия и достаточно притягательной и теперь? Правда, сегодня предметом симпатий

служит тенденциозный пересказ фурыеризма, а не его первоисточники.

"Серии групп" — это прежде всего такие человеческие объединения, объемлющие все общество, которые исключают существование паразитов, наводняющих общества цивилизации. Обещая осуществить все свои нововведения мирно, Фурье, однако, предусматривает изменения столь радикальные, что с ним в этом смысле может соперничать только марксизм. Об этом свидетельствует таблица "непроизводительной части населения в Цивилизации" (256), которая должна функционально исчезнуть или преобразиться в условиях Ассоциации. Заметим, что паразитами у Фурье оказываются все те, кого Сен-Симон считает самыми ценными элементами общества ("фабриканты, коммерсанты и купцы"). Итак, приводим вышеупомянутую таблицу:

"Домашние паразиты: 1. Женщины; 2. Дети; 3. Прислуга.

Социальные паразиты: 4. Армии сухопутные и морские; 5. Агенты по сбору налогов; 6. Фабриканты; 7. Коммерсанты и купцы; 8. Агенты транспорта.

Побочные паразиты: 9. Гуляющие по закону; 10. Софисты; 11. Праздные люди; 12. Отщепенцы".

Все перечисленные категории паразитов делятся на два класса, названные Фурье "стержневыми": "13. Агенты положительного разрушения; 14. Агенты отрицательного производства".

Существование "домашних паразитов" обусловлено расточительностью и индивидуализмом посемейного домашнего хозяйства и развращающим недоиспользованием детского труда. К числу паразитов отнесены "3/4 городских и половина сельских женщин" (257). С прислугой и домохозяйками все ясно: они самоликвидируются при исчезновении семьи в ее современном смысле слова. О том, как исключается из быта Ассоциации детский паразитизм, — несколько ниже. К детям и семье как таковой Фурье относится с отчетливой неприязнью — так же, как и к занятым семейными делами женщинам. Не исключено, что бездетный и холостой Фурье реализует при этом некоторые свои комплексы.

Вторая категория паразитов вызывается к жизни войнами или ожиданием таковых, современной Фурье организацией производства и торговли и т. д. Рассыпая, как всегда, щедрые количественные характеристики, Фурье сообщает, что Ассоциация устранил нужду "в половине фабрикантов, 9/10 торговцев, 2/3 агентов морского и сухопутного транспорта".

Полностью исчезнут контрабандные виды транспортировки товаров и торговля ими и сбор налогов.

"Гуляющие по закону" — это либо безра-

ботные, либо отпускники, либо отдыхающие и празднующие (праздников при Цивилизации существует, по мнению Фурье, непозволительно много), либо прогульщики. С неменьшей тщательностью, чем страсти, характеры, таланты, фазы и периоды, Фурье подсчитывает недельные разговоры, лишние взгляды и движения современных ему рабочих, резко снижающие производительность их труда. Стоит, говорит он, отойти хозяину и пройти мимо рабочих "человеку или кошке, как все они приходят в движение — старшие и младшие бросают лопаты и смотрят для развлечения; 40 или 50 раз в день они теряют таким образом по 5 минут. Поэтому их неделя сводится, в сущности, к полным четырем дням. Сколько времени теряется из-за отсутствия промышленного влечения!" (259).

"Промышленное влечение" есть одна из тех полезных страстей, которые полностью разовьются только в условиях Ассоциации.

К числу "софистов" и, следовательно, паразитов относятся все те писатели и философы, которых Фурье не считает "правильными" и необходимыми — хороший прецедент грядущей социалистической литературной политики. Сюда же относятся и их читатели, а также "19/20 адвокатов, свидетели в суде, путешественники", "экономисты", думающие иначе, чем думает Фурье, "и т. п." (259).

Примечательно, что и ранние утописты, и Фурье негативно относятся к развернутой правовой судебно-следственной процедуре. Перечень паразитствующих "софистов" всех видов показывает, сколь широкий спектр профессий, воззрений и действий будет считаться нежелательным или недопустимым в новом обществе. Томас Мор яростно ополчился против бродяг и самовольных разъездов — Фурье обличает паразитизм путешественников. Очевидно, всепроникающая упорядоченность миров "Гармонии" решительно не терпит свободы передвижения, предвосхищая тем самым миры реального социализма.

Не станет в Гармонии "праздных" (не трудящихся классов и лодырей), а также и "отщепенцев" — людей, "открыто восстающих против промышленности, законов и обычаев; посетителей лотерей и игорных домов"; "разных рыцарей индустрии (???); "публичных женщин, нищих, воров, разбойников", "жандармерии и чиновников, также непроизводительных" (259 — 260).

Глубочайшая уверенность, что всем людям будет нравиться то, и только то, что нравится изобретателям гармонических "новых миров", утопистам никогда не изменяет. Эта их уверенность — единственный аргумент грядущего социального согласия, которое всегда живописуется без сомнений в предстоящем всем и каждому счастье.

"Агенты положительного разрушения" — это, по Фурье, "все те, кто организует голод (???), или эпидемии (???), или содействует войне" (260).

"Агенты отрицательного производства" — все те, кто выполняют общепринятые в порочных обществах цивилизации, а на деле вредные или ненужные работы. Они исчезнут в условиях Ассоциации.

Итак, паразитов в "сосиетарном обществе" не будет. Но, как и у Сен-Симона, частная собственность сохранится. Она лишь будет коллективно эксплуатироваться: у Сен-Симона — централизованно, у Фурье — дискретно, будучи распределенной по фалангам. Забегая вперед, заметим, что это чревато усложнит расчеты фаланги с производителями и владельцами капитала. Поэтому закономерно, что более поздние социалисты вернулись к характерному для более ранних утопий отказу от частной собственности.

Полагая, что он упрощает общественную организацию и устраняет лишние виды труда, Фурье в действительности ставит перед своей Ассоциацией столь сложные организационные и производственные задачи, что невозможно себе представить, какой величины и квалификации управленческий аппарат мог бы с этим справиться.

Фурье многократно формулирует некий сбивчивый ряд взаимоисключающих рекомендаций, адресованных как будто бы всему обществу, а на самом деле — инстанциям или силам, которые будут распоряжаться в фаланге. Ибо справиться со столь всеобъемлющими и всепроникающими задачами общество без помощи специально для этого выделенной, стоящей над ним и имеющей всеохватывающее поле обзора инстанции не сможет. Впрочем, предлагаемые Фурье нововведения непосильны и для такой инстанции.

Сперва подчеркивается предварительная необходимость

"в каждой многочисленной Ассоциации разбить участников на группы, однородные по своим вкусам и наклонностям, и присоединить эти группы к сериям в восходящем (???) и нисходящем (???) порядке, с тем расчетом, чтобы наиболее полно развить способности каждого члена и дать возможность проявиться соревнованию, неизбежному при методическом соединении контрастов.

Соревнование, усовершенствование труда и вытекающие из этого выгоды растут по мере того, как увеличивается правильность и постепенность в распределении, нюансировке групп по склонностям и составлении из этих групп серий" (280. Курсив Фурье).

Попробуйте представить себе, какого труда и каких немыслимых знаний о каждом участнике производства потребует разбивка тако-

вых на группы, "однородные по своим вкусам и наклонностям" и одновременно преисполненные "контрастов, ведущих к соревнованию". Да еще с учетом "тончайшей нюансировки" всех этих качеств.

Но ведь и это не все. С одной стороны, Фурье постулирует следующие условия правильного подбора "гармонических групп": "1. Свобода ассоциации, без всяких обязательств, кроме взаимного благожелательства" (280), "пылкость и слепое влечение к какому-нибудь виду труда" (там же). С другой стороны, при подборе видов труда для каждого человека должно приниматься в расчет "удовлетворение страсти к переменам, к порханию" (там же), не позволяющей с увлечением заниматься ни одним видом труда более часа-полтора подряд!

С одной стороны, предполагается "беззаветная преданность интересам группы, готовность к жертвам во имя общей всем страсти" (281).

С другой стороны, групп (т. е. "страстей" к определенным видам труда) предусмотрены для каждого человека десятки, а то и сотни одновременно. И все группы и серии, состоящие из множества групп³, должны быть воплощением неоднородности; группы каждой серии должны объединять "миллионеров и бедняков, ученых и невежд, старцев и юношей, миролюбивых и вспыльчивых людей и т. д." Предусмотрено "непримиримое соперничество", беспощадная критика, "чтобы требования были несовместимы и совершенно свободны от всякого согласования", "раскол, ревность, интриги всякого рода... согласно законам 10-й страсти — страсти к интриге" (281).

Каким-то совершенно непостижимым образом из этой войны всех против всех в каждой группе "вырастает та сверхсложная свобода, которая находится в полном противоречии с философскими доктринами "софистов", основанными на признании ненавистной Фурье моногамной семьи первичной "ячейкой общества". Место семьи у Фурье занимают "группы, состоящие примерно из 1500 лиц", где "вместо супружеского равнодушия, монотонности Цивилизации и республиканского братства" (281) будут все определять "страсть к интриге", "11-я страсть к переменам, к порханию", "12-я страсть, или увеличение, — порыв к труду, общий энтузиазм" (281).

Утверждение Фурье, что "кратковременность рабочих сеансов позволяет каждому члену любой серии участвовать одновременно в сотне других серий" (281), — в других местах указано от 30 до 500 серий, в которых может участвовать каждый член фаланги, — исключает всякий профессионализм и серьезное вхождение в дело. Разрыв между посещениями одной и той же группы, т. е. между возобновлениями однородной работы, должен длиться

недели, а то и месяцы. Фурье имеет в виду, вероятно, лишь самые примитивные виды труда, когда приводит в пример садовника: если один садовник должен выполнить ряд работ за 50 часов, то 50 членов его группы выполнят эту работу за час. Но когда пытаешься применить рекомендуемое Фурье непрерывное "порхание" от дела к делу к более сложным трудовым процессам и задачам, приходит на ум известный советский анекдот: некий специалист должен выехать в заграничную командировку, но у него нет жены и ребенка, которых можно было бы оставить в СССР в качестве заложников. Ему предлагают жениться и через месяц выехать. "Но, — говорит он, — ребенок не может появиться раньше, чем через девять месяцев!" — "Ничего, — отвечают ему, — вам выделят 9 женщин, и чтобы через месяц ребенок был!"

Но ведь Фурье предлагает не только продумать и пустить в ход "целую массу серий, не меньше 50—60, но не более 500; ... затем настолько укоротить сеансы работ каждой серии, чтобы каждый ее член мог посещать 50—100 серий (283)..."

Он требует еще и скрупулезнейшей продуманности взаимоотношений между группами, входящими в каждую серию:

"Если лестница вкусов и наклонностей хорошо расположена" (кем? как?), "то каждая группа находится в состоянии раздора с двумя смежными с ней группами. Возьмем серию из 12 групп — А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М.

Группа Ж резко расходится с Е и З, осуждая их скверный вкус; она расходится наполовину с подсмежными Д и И; некоторую симпатию она начинает испытывать только к своим терциям, квартам, квинтам ГК, ВЛ и БМ, но смежные ступени лестницы антипатичны друг другу, ревнуют одна другую, оспаривают пальму первенства. Такое же явление мы наблюдаем в отношениях тонов музыкальной гаммы: каждый тон диссонирует со смежными ему тонами.

Только таким путем и возможно достичь идеальной гармонии и единения, при которых личный эгоизм и интересы растворяются в общем единении масс" (283, курсив Фурье).

Рискуя прослыть злопыхателем, подобно советским психозаврам, все-таки непрерывно ловишь себя на коварном вопросе: не отдаст ли эта неукоснительная продуманность и просчитанность НЕСБЫТОЧНОГО клиническим безумием?..

Нагромождая свои фантазмагорические "математизации", Фурье то и дело запутывается в простейших расчетах. В одном месте он говорит, что рабочие должны менять виды своей работы 2—3 раза в день, находясь в каждой группе по 2 часа, то есть трудясь всего по 4—6 часов в день. В другом месте сказано,

что сеансы труда должны варьироваться для каждого работника не менее 8 раз в день, ибо энтузиазм не может поддерживаться однообразным делом более 1,5—2 часов подряд. Так сколько же длится рабочий день при этих 8 переменах?

И если предположить, что Фурье портретировал в своей "таблице страстей" самого себя, то невелика же была его одержимость каким-то делом и способностью на нем сосредоточиться. "Страсть к интриге" и "страсть к порханию", судя по тому постоянству, с которым он к ним возвращается, кажутся ведущими его страстями, так же, впрочем, как и "люксизм" (страсть к роскоши и развлечениям). Фурье и его последователи стремятся "превратить труд в удовольствие", а "жизнь... для всех в торжественный и богато сервированный банкет, а не в убогую трапезу, где голодные гости спорят из-за кусков и вырывают их друг у друга, что и происходит в настоящее время" (322).

Эта фурьеристская концепция труда-наслаждения и жизни-праздника воплощена Чернышевским в "четвертом сне Веры Павловны" (роман "Что делать?"). Сомнения в том, что его Ассоциация может обеспечить всем своим членам такой достаток, у Фурье нет. Беспокоит его другое: как совместить привлекательность труда для гармонийцев с неизбежным наличием и в будущем обществе отталкивающих и незстетичных видов труда? Фурье предусматривает свою гармоническую Ассоциацию не для туманного будущего, а для современной ему Франции. Никаких принципиальных технических новшеств вроде механизации и тем более автоматизации тяжелых и неприятных работ он не предвидит. Фурье чрезвычайно брезглив, и некие необходимые, но отталкивающие виды работ преследуют его как наваждение. Выход обретается, когда одна авторская антипатия встречается с другой его антипатией: отвращение к нечистоплотным работам переплетается с брезгливой отчужденностью по отношению к детям. О "детских дружинах", выполняющих самые грязные работы и расположенных около самых шумных мастерских, говорится на 298, 311, 312, 320, 321, 326—328 страницах вышеупомянутой книги. В то, как поставлен Фурье этот вопрос, трудно поверить, не ознакомившись с первоисточником. Дети в фаланге должны трудиться эпизодически с трех и регулярно — с шести лет. Дабы использовать в интересах общества их "тягу к грязи", "любовь возиться в грязи", "неряшливость", дети ставятся на самые нечистоплотные и зловонные работы (мусорщиков, ассенизаторов, уборщиков). Эти работы, в силу природной страсти детей к грязи, доставляют им полное удовлетворение. Фурье говорит о детях с неиз-

менной антипатией — до тех пор, пока не “открывает” выгодный способ эксплуатации извращенной тяги этих маленьких варваров ко всякой грязи. После этого он примиряется с ними и даже рекомендует кормить их преимущественно сладостями, а не хлебом, так как дети их любят больше, чем хлеб.

“Долгое время я стоял на ошибочной точке зрения, высмеивая неряшливость детей и надеясь на ее искоренение в механизме серий... я встал на правильный путь, решив, наконец, что необходимо действовать в согласии с естественным притяжением, с природными склонностями ребенка в том виде, в каком они созданы Творцом... Детям придется взять на себя только грязные работы; эта их функция приобретет высокое социальное значение, ибо таким путем будет постепенно искоренено презрение к низшим классам трудящихся — чернорабочим, и, как следствие отсюда — также и к средним классам. Таким путем осуществится *братство* (курсив Фурье), единение всех классов, о котором столько грезили философы” (328).

Вот как просто, оказывается, добиться всеобщего братства: надо всего-навсего построить раскрепощение низших слоев трудящихся на добровольном рабстве детей. О школах, учебе детей, их развлечениях не говорится ни слова. Зато в “рабочих дружинах” участвуют в равной мере дети богатых вкладчиков капитала и неимущих тружеников, аристократии и простонародья. Обязательное и равное участие детей в отталкивающих работах, не зависящее от социального уровня семьи, связывает все слои фаланги братскими узами.

Фурье многократно останавливается на “влиянии данного рода работ на закрепление уз общности, на гармонию социального механизма. ...С этой точки зрения и ценна серия детских дружин, без которых весь механизм гармонии распался бы, а дружеское взаимное расположение стало бы недостижимым (подч. Д. Ш.). Поэтому эта серия и должна быть помещена на первом месте” (319).

При чтении посвященных детям страниц Фурье меня неизменно преследовал вопрос о том, почему заботами о всечеловеческом “гармонизме”, о радикальной перестройке общества и о его благе так часто бывают заняты недобрые и нечуткие люди. Ответа на этот вопрос я не имею.

В отношении к оплате труда детей и юношества, а также других лиц, занятых тяжелым и отталкивающим трудом, отчетливо проявляется непоследовательность рекомендаций Фурье. Так, не однажды заметив, что неприятные работы, в том числе выполняемые детьми, в фаланге будут оплачиваться лучше других, он вдруг заговаривает о юношеском идеализме и

намечает пути его безвозмездной общественной эксплуатации. Он пишет:

“Отцы уступают детям в наличии добродетелей, называемых патриотическими. Ассоциации следует утилизировать эту склонность детей к общественному служению, она поручит юношеству те посты, которые были бы ненадежными в руках отцов, в том числе все отталкивающие отрасли труда. ...Отвращение это будет преодолено, но не деньгами, а притяжением. ...В полной Гармонии ни обоего не будет затрачено на вознаграждение за черные работы: это было бы нарушением основного принципа — притяжения — и корпоративного духа, с помощью которых должно быть преодолено всякое отвращение” (326 — 327).

Но ранее четко говорилось, что неприятные работы, а таковы все работы “детских дружин”, будут оплачиваться наиболее высоко! Здесь же оказывается, что странное тяготение детей к отталкивающим видам труда, а юношества — к патриотической самоотверженности будет эксплуатироваться обществом еще и бесплатно!

Однако несколько раз Фурье постулирует в других местах: вознаграждение каждого мужчины, женщины, ребенка... в прямом отношении к трем факторам: *капиталу, труду, таланту*” (284. Курсив Фурье).

Количественно это распределение выглядит так: 4/12 — доход, пропорциональный акционерному капиталу держателей акций; 5/12 — доход, пропорциональный труду; 3/12 — “на долю теоретических и практических знаний” и “таланта”. ПРИ ЭТОМ ВКЛАДЧИКИ КАПИТАЛА МОГУТ И НЕ РАБОТАТЬ, ПОЛЬЗУЯСЬ ТОЛЬКО ПЕРВЫМ ВИДОМ ДОХОДА. Для неимущих же членов фаланги в “открытом” им “сосиетарном устройстве”, как неоднократно напоминает Фурье, существует некий гарантийный минимум обеспечения. Этот минимум изображается автором то как аванс за предстоящие в году работы, то просто как некое социальное обеспечение, не связанное с трудовым вкладом члена фаланги. Этот минимум весьма высок:

“пища за столами 3 класса” (низшего из трех), “состоящая из 5-ти трапез в день; приличная одежда, будничная и праздничная; все инструменты и инвентарь для сельских или фабричных работ; квартира, состоящая из комнаты и уборной, с правом доступа в общие залы на праздники 3 класса и на спектакли в 3-х (?) ложах” (316).

Необходимо, пишет Фурье в другом месте, “чтобы при новом порядке люди пользовались благосостоянием, гарантией известного минимума, достаточного для настоящего и будущего и избавляющего от забот о себе и о своих близких” (285).

Зависимость гарантийного минимума от

труда здесь не оговорена. Таким образом, в Гармонии не исключены как рантье, так и тунейдцы, согласные на гарантийный минимум. Как же не ощутить симпатии к такому раздолью при всех несомненных странностях гармонийской организации труда?

Однако при всем при том в фаланге ведется не только строжайший учет труда, но и неотступный контроль за качеством производимой в каждой из бесчисленных групп продукции. О контингентах работников, необходимых для оперативного осуществления такого учета, Фурье не вспоминает. Но эффективность и осуществимость последнего для него бесспорны: группа, "которая производит продукты среднего" (а не отличного) "качества... вычеркивается из почетного списка, куда заносятся все работы, составляющие гордость фаланги; ее герб окаймляется черной полосой, она теряет право голоса на бирже (?), подчиняясь решениям других сельскохозяйственных групп. ...Конечно, такие группы малопривлекательны и большей частью малолюдны" (287).

Какую роль играет в "сосиетарном обществе" биржа, непонятно.

Очень ярко наивная и самоуверенная беспочвенность пророчеств Фурье, представляющих ему плодами строго научного анализа, выступает в его рассуждениях о соотношении промышленности и сельского хозяйства в будущем обществе. Фабрично-заводской сектор существует в нем "лишь как добавление к агрикультуре, как способ дать упражнение страстям, не находящим себе применения в течение долгих зимних и осенних каникул. Все фаланги земного шара (подч. Д. Ш.) будут иметь свои фабрики, но они будут стремиться к тому, чтобы все товары выделялись наилучшего качества, так, чтобы незначительность изнашивания этих последних дала возможность сократить размеры промышленности... Для фабрично-заводского труда Бог вложил в человека лишь одну четвертую (курсив Фурье) часть того влечения, которое член Ассоциации чувствует к труду вообще" (292).

Замена глаголов будущего времени глаголами настоящего времени ("чувствует" вместо "почувствует") стилистически весьма характерна для всех утопистов, в том числе и для Маркса и Энгельса.

А ниже следующее?

"Когда я был еще новичком в деле вычисления связанной с каждой отраслью индустрии доли влечения, я был весьма удивлен, обнаружив (подч. Д. Ш.), что для заводской промышленности эта доля весьма ничтожна... Господь... сделал заводскую промышленность малопривлекательной с той целью, чтобы при сосиетарном устройстве люди достигли во всех предметах производства наивысшего совершенства, при котором ткани и домашняя

утварь станут неизносимыми, вечными (курсив Фурье)" (294).

А вот еще один "точный подсчет": неизносимость тканей и домашней утвари должна "создать в Гармонии ежегодную экономию в 400 миллиардов франков на одежду и 2000 миллиардов на все остальные предметы обихода" (295).

И Фурье предсказывает экономию (несмотря на владеющий всеми "люксизм" — страсть к роскоши — и вопреки страсти к "порханию") от различных коммунальных нововведений, примененных фалангой, "на 3/4, 9/10, а иногда и на 99/100" от современных ему расходов общества (257). При этом роскошь в фаланге поистине невероятная: нарядные и просторные столовые, залы для собраний, библиотеки, помещения для научных занятий, храм, "Башня порядка" (?), телеграф, почтовые голубятни, колокольни, обсерватория, "крытый зимний сад"... Все производственные помещения, жилые комнаты, гостиница, балльные залы и пр. соединены галереями и переходами, так что "самый бедный из гармонийцев, человек, не имеющий ни гроша за душой, подходит к своему экипажу через теплый крытый коридор; вымощенные и посыпанные песком подземные ходы ведут его из дворца в стойла и конюшни; из своей комнаты он направляется в общие залы и мастерские через крытые улицы-галереи, отапливаемые зимой и вентилируемые летом. В Гармонии можно обойти в январе месяце мастерские, стойла, магазины, балльные и обеденные залы и т.п., не зная, идет ли на улице снег или дождь, тепло там или холодно" (309 — 310).

Как же не плениться этой картиной? Тем более, что автор делает оговорку, исключаяющую сомнения: "Рассмотрение этого вопроса во всех деталях дает мне право сказать..." (310).

Если отвлечься от беллетристики и попытаться выяснить самый общий принцип фурьеристской Ассоциации, то мы увидим акционерное общество, в которое входят держатели равновеликих пакетов акций и наемные работники, акций совсем не имеющие. Почему-то этот пестрый и разнокачественный производственный коллектив решает жить коммунально и дружно трудиться, не имея в значительной своей части (акционеры с крупными пакетами акций) никакой к тому необходимости. Фурье, по-видимому, понимает, что очень трудно поверить в готовность богатых людей вступить в Ассоциацию. Поэтому он уделяет много внимания способам, долженствующим помочь Ассоциации разрешить "проблему сближения и развития дружелюбия в противоположенных классах" (311). Не останавливаясь на исходном моменте — на том, почему богатые вступают в Ассоциацию, Фурье предусматривает несколько мер, в результате

которых "разовьется такое взаимное доброжелательство, что гармонийцы при распределении прибыли будут соперничать друг с другом не в эгоизме и жадности, а в великодушии" (311). Он предлагает 4 способа объединения, взаимного притяжения и уравнивания в труде и быте имущих и неимущих, "магнатов" и простолюдов (312, 313, 314). О первом уже упоминалось: дети богатых и бедных, работая на самых грязных и презираемых работах, "великодушно взятых на себя детскими дружинами", сплотят родителей. "Простой народ полюбит богатых, чьи дети избавят его от презираемых работ и уничтожат самое понятие позорной работы... Одинаковое воспитание является самым действенным средством для подготовки единения всех классов, для пробуждения в бедных симпатии к богатым, для нисходящего сближения" (312).

"Нисходящим сближением" называется тяготение богатых к бедным (знатных к простолюду), а "восходящим" — обратное направление возникающих симпатий. Но что же заставит богатых согласиться на это "одинаковое воспитание" и, главное, на участие их детей в самых грязных и презираемых работах БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ? И вообще, какие родители, имея гарантийный минимум потребления (а многие — еще и доходы от акций), согласятся на каторгу для детей, начиная с 3-х — 6-летнего возраста? Бесчеловечность и беспочвенность расчета Фурье самоочевидны, а ведь это ПЕРВОЕ и ГЛАВНОЕ из доказательств осуществимости всеобщего братства в его фалангах!

Способ второй:

"Работа сериями (курсив Фурье)... при Ассоциации, где богатый избирает себе работу, руководствуясь исключительно своими склонностями" (богатый и без "Гармонии" может руководствоваться "своими склонностями"), "где он видит, с какой любовью остальные члены избранной им серии (меняется же от 30 до 500 серий!) относятся к работе, он сам начинает симпатизировать своим сотрудникам, прежде презираемым; эти последние также привязываются к богачу, занятому вместе с ними любимым делом и поддерживающему его из своих средств. Таким образом, разделение работ является вторым средством для *восходящего* (курсив Фурье) или прямого сближения, возбуждающего приязнь со стороны бедных к богатым" (313).

Опять — задача вместо решения. Ведь Фурье брался ответить на вопрос, что заставит богатых и знатных людей трудиться в фаланге наравне с ее неимущими членами. Вместо ответа на этот законный вопрос, он объясняет нам, почему, ТРУДЯСЬ ВМЕСТЕ И НАРАВНЕ, бедные и богатые "нисходяще" и "восходяще" полюбят друг друга. ЗАЧЕМ БОГАТЫМ РАБОТАТЬ? Ведь многократно сказано, что

"можно быть членом фаланги, не будучи акционером; можно также быть акционером, не принимая никакого активного участия в производственной деятельности фаланги. В этом последнем случае нельзя получать дивиденды, относящиеся на долю труда и таланта" (321).

И детей можно не пускать чистить сортиры? На чем же тогда будет держаться братство пролетариев с капиталистами?

Опять и опять возникает мысль о том, насколько проницательней ранние утописты и более поздние социалисты, полностью исключившие из обихода "нового мира" частную собственность. Только эта акция может заставить всех граждан "стать работниками одного синдиката" (Ленин), т. е. государства. Но и в таком случае из-за неравенства функций труд будет иметь разные качества, а трудящиеся — различные права и возможности.

Третье условие сближения богатых и бедных внутри фаланги для меня столь загадочно, что я предоставляю читателю самому в нем разобраться.

"3. *Интриги в сериях* (курсив Фурье). Враждебность, возникающая на почве имущественного и социального неравенства исчезнет, когда появится дух интриги и когда гарантия минимума оградит богатых от попрошайничества, плутней и обмана со стороны бедных... Втянувшись в курс дела 30 серий, богатый в конце концов начинает любить бедный класс фаланги. Эти интриги, соревнование серий являются источниками *нисходящего* (курсив Фурье) сближения, привлекающего богатых к бедным". Ведь теперь, во время революций и выборов, "богатые заискивают у плебеев! Интрига создаст постоянно такой же эффект" (313).

И, наконец, последний, четвертый стимул, гарантирующий сближение богатых и бедных:

"4. *Благожелательное услуживание* (курсив Фурье). В Гармонии, где не будет заработной платы, услуги будут оказываться дружески и охотно".

Но плата же будет! Дивиденды от акций, оплата активного труда, таланта и знаний!.. Об этом Фурье забывает. Он пишет:

"Таким путем осуществится нисходящее сближение от богатых к бедным". И далее следует пример: экономка, опутывающая старого холостяка своими услугами, в результате чего он либо на ней женится, либо оставляет ей наследство.

Богатые будут любить бедных, бесплатно им служающих. Но почему же бесплатно, если у богатых есть деньги? И почему услуги будут оказывать бедные богатым, а не наоборот? Что за односторонняя и унижительная "приязнь"? И как возникнет приязнь на почве услужива-

ния, если само услуживание, да еще бесплатное, требует предварительной приязни?

Ни одно из четырех условий сотрудничества и дружбы между богатыми и бедными, знатью и простонародьем в фаланге не является серьезным и убедительным.

Как же и кем управляется фаланга?

Ассоциацией руководит ЧИСТО РЕКОМЕНДАТЕЛЬНО "Ареопаг, являющийся советником, но не начальником для трудящихся". Он "состоит из высших чиновников (?) — представителей каждой серии", и каждая серия "вольна принять или отвергнуть" его "решения". "Ареопаг действует исключительно силой своего авторитета" (323).

"Ареопаг состоит: 1) из руководителей всех рабочих и увеселительных серий (ибо в Гармонии увеселения так же полезны, как и труд); 2) из трех почтенных старейшин; 3) из крупнейших акционеров, получивших право голоса путем покупки акций, и из акционеров, купивших акции позже, на свои сбережения; 4) из магнатов и магнаток (?) фаланги... Ареопагу не приходится издавать никаких уставов и правил, ибо вся жизнь фаланги регулируется свободным притяжением и корпоративным духом ее серий и групп" (323).

Так для чего же он нужен???

Что сие есть: "свободное притяжение и корпоративный дух серий и групп" и как они проявляются и реализуются организационно, — уразуметь невозможно. А между тем у руководства фаланги должно быть великое множество задач и обязанностей. О сложности внутренней организации труда и быта при непрерывной перемене занятий каждым трудящимся и при разновеликом и сложном вознаграждении мы уже говорили. Но ведь отдельные фаланги производственно специализированы и торгуют между собой. Тут уже необходим еще один этаж управления, в обзор которого попадают все фаланги страны. Ассоциации платят налоги правительству и своим кантонам. Они поставляют правительству и кантонам рекрутов в промышленные армии и получают за это плату. Они разрешают конфликты между своими сочленами. Они ведут строительство и т. д. Однако Фурье неколебимо уверен (он во всем уверен неколебимо), что вся административная и учетно-распределительная деятельность в Ассоциациях будет простой и ограниченной по объему. Главной управленческой функцией представляется ему не организация труда, а распределение дивидендов. И вот как он аргументирует несложность этого распределения:

"Ареопаг не оказывает никакого давления на главную операцию — на распределение дивиденда пропорционально труду, капиталу и таланту. Свободное влечение(???) — вот единственный критерий, которым пользуются для

установления справедливости(???) в этом деле" (323).

"Свободное влечение" к чему или кому? К распределяемым дивидендам? К труду? Друг к другу? Как может "свободное влечение" к чему бы то ни было быть критерием справедливой оплаты труда, стоящей за всяким обоснованным распределением?

А у Фурье речь идет о распределении, сопряженном с четырьмя показателями: с пропорциональностью акционерному капиталу, производительности труда, знаниям и таланту. Для этого необходима гигантская учетно-распределительная работа.

* * *

Что остается от фурьеризма, если отбросить скрупулезно и полностью произвольно расчисленную им фантазмагорию "притяжений" и "отталкиваний", страстей и характеров, непрерывных "порханий" от работы к работе и детских ассенизаторских дружин, "восходящего" и "нисходящего" сближения богачей и нищих, добровольного труда рантье и общественных иждивенцев, получающих и помимо работы все житейские блага, распределение дивидендов согласно "свободному влечению" и т. д.

Об этом мы уже говорили: останутся акционерные общества, распределяющие свой доход между акционерами и наемными работниками согласно денежным и трудовым вкладам тех и других. Почему они организуют свой быт коммунально — богатые под одной крышей с бедными — понять невозможно.

В чем же тогда сила и обаяние доктрины Фурье, позволившие этому вопиюще беспочвенному учению лечь в основу множества "научных" и "конструктивных" социализмов более поздних времен?

Скорее всего, лишь очень немногие из тех, кто привычно считает, что Фурье набросал притягательную и достоверную картину будущего золотого века, читали его сочинения. Воображение большинства питается пересказами, полученными из вторых или третьих рук. А пересказы создают ослепительный стереотип "социетарного" (социалистического) грядущего, не вдаваясь в детали его построения и обоснования. В пересказах, приспособленных к массовому сознанию, возникают прекрасные, сверкающие изысканной роскошью общие дома-города, где уравниены в труде и в потреблении все их граждане, где труд не знает будничности и утомительности, где нет семейной рутины, где жизнь — сплошной праздник и где развлечениям уделяется такое же место, как и труду. И в такие дома-коммуны организовано все население Земли, забывшее о войнах и бедности, о нынешнем однообразии своих повседнев-

ных занятий и нужд и о страхе за будущее...

Может ли такое грядущее казаться большинству людей нежелательным, не привлекать и не зачаровывать?

А если кто-то, вчитавшись в патетически многословные работы Фурье, рискнет заметить, что этому сияющему финалу земной истории он не придал ни единого достоверного обоснования, множество голосов объяснят усомнившемуся, что они намерены взять у Фурье только этот лучезарный финал, да и то — с некоторой реалистической коррекцией. А пу-

ти к нему выберут или построят более надежные и обоснованные. И добавят, что реальные приемы построения светлого будущего уже обнаружены — "открыты", как любил говорить о своих проектах и прогнозах Фурье.

И люди снова поверят, потому что уж очень хочется верить в манящие фаланстеры, если не для себя, то хотя бы для внуков или более отдаленных потомков. Противопоставлять этой вере логику — чрезвычайно неблагодарная работа. Но что же еще ей можно противопоставить?

¹ Все цитаты — по книге "Сен-Симон, Фурье и их школы". Сост. В. Семенов, Москва-Ленинград, 1926. Серия "Великие утописты" под общей редакцией проф. И. Д. Удальцова. Общее название выпусков — "Экономическая система социализма в ее развитии". Вып. III-IV. Отдел второй. Фурье и фурьеристы. Страницы указаны в тексте, после цитат.

² Примечание составителя сборника: "...Фурье дает более отчетливую классификацию первых 8-и периодов социальной эволюции, устанавливая основные особенности каждого. Вот эта классификация. Периоды, предшествующие индустрии: 0. Хаотический, без человека; 1. Первобытный, называемый Эдемом; 2. Дикость или инертность. Промышленность раз-

дробленная, отталкивающая; 3. Патриархат, или мелкая индустрия; 4. Варварство, средняя индустрия; 5. Цивилизация, крупная индустрия. Индустрия общественная, привлекательная; 6. Гарантизм — полуассоциация; 7. Социализм, простая ассоциация; 8. Гармонизм — сложная ассоциация" (242).

³ "Серия представляет из себя соединение групп, принадлежащих к одной *категории* (курсив Фурье), но осуществляющих каждая ту или иную разновидность этой категории. Двадцать групп, культивирующих 20 сортов роз, составляют серию розистов — по отношению к категории; и белорозистов, желторозистов, махворозистов — по отношению к виду. Таков единственный рычаг, применяемый в Ассоциации" (281).

Романо ГУАРДИНИ

VIII. "ЕСЛИ НЕ БУДЕТЕ КАК ДЕТИ"

Однажды ученики Иисуса пришли к своему Учителю и спросили: "Кто больше в Царстве Небесном"? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: "Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской... Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного" (Мф 18, 1—6 и 10).

В этом рассказе мы прикасаемся к повседневности, в которой жил Иисус. Мы видим нечто человеческое, и весьма человеческое, что там происходило, как из случайного момента возникало учение и наставление, действительное для всех времен. Ученики ревнуют друг к другу. Они думают, что скоро придет царство Израильское, хотя и воздвигнутое Богом, но в человеческом величии. Потому они и подумывают о том, какую

роль они сами будут в нем играть. У Марка это проступает с еще большей силой: Иисус "пришел в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали, потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И сев призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И, взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня принимает, тот не Меня принимает, но пославшего Меня" (Мк 9, 33—37).

В двадцатой же главе Евангелия от Матфея написано: "Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем... Услышавши сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человече-

Главы из книги "Господь". Готовится к выходу в свет в из-ве "Жизнь с Богом", Брюссель.

ский не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (20—28).

Ученики сознают свою личную ценность и хотят услышать, будет ли она оценена по справедливости. Хотят знать, будет ли признано, что этот пришел к Иисусу раньше того, что один особенно расторопен, а другой уважаем в своем селе. Вмешиваются еще и другие, родственники. Мать сыновей Зеведеевых хочет выйти на первый план, и то, что мы тут видим, представляет собой настоящую попытку взять с наскока, за которой следует соответствующее возмущение тех, кого пытаются оттеснить. Из всей этой сутолоки всплывает вопрос: "Кто больший в царстве Небесном?" Это означает в первую очередь, что Учитель должен сказать, по каким мерилам должны определяться ранг учеников и их притязания. Но за этим весьма земным пожеланием стоит другое, более значительное: какой вообще порядок господствует в том новом, что должно придти? Иисус дает совершенно образный ответ: ставит перед вопрошающими ребенка. Марк рисует точно: Иисус берет ребенка, — садится, — ученики окружают Его, — Он обнимает ребенка, ставит его посередине всей группы и, показывая на него, говорит: вы, взрослые, настаивающие на своей правоте, преследующие цели, — вот где мерило! Оно противоположно вам. Противоположно вашему взгляду и вашему поведению... Так опрокидываются перед их взором ценности и иерархии. В Царстве Божием будет не так, как в мире, где есть господствующие и служащие, есть ищущие выгод, быстрые, умелые и неумелые, медлительные и простаки, а потому есть преуспевающие и не имеющие успеха. Все будет перевернуто, как выражено в ликующих словах Иисуса после возвращения посланных учеников: "Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение" (Мф 11, 25—26). И как впоследствии говорит Павел: "Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное" (I Кор 1, 27). В ребенке жизнь начинается заново, в противоположность тому, что уже пришел в мир и устроился в нем. Ребенок же обращает его собственные ценности против него. Поэтому у взрослых, под поверхностью естественной нежности, живет затаенное, часто неосознанное раздражение против ребенка. Оттого этот образ и действует так сильно. Он бьет не только в глаза, но и в самое живое чувство. В истории христианского благовествования слово о детскости играло большую роль. Оно объявлялось мерой христианской жизни, и притом по праву. Но мы не можем закрывать глаза на то, что таким образом в христианское

мировоззрение проникло и нечто дурное, нечто расслабленное и незрелое, некая дурная зависимость. Что же имеет в виду Господь, придавая такое значение ребенку? Если мы правильно понимаем тексты, то в них выражены три различные мысли.

Одна заключается во фразе: "Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня".

"Принять" значит открыться чему-либо, дать ему место и придать значение. Следуя невольному чувству, человек принимает то, что может доказать свою ценность, что демонстрирует успех, приносит пользу, представляется важным. Ребенку все это невозможно. У него нет еще никаких достижений. Ему нечем похвастать. Ведь он представляет собой начало, с ним связаны только надежды. Ребенок не может принудить взрослых принять его всерьез, ибо "он ведь еще маленький". Настоящие люди — это большие, ребенок еще не считается полноценным. И это ощущение встречается не только у людей рассудочных или эгоистических, но и у любящих, и у матерински настроенных, и у озабоченных воспитанием; у них оно даже проступает особенно отчетливо, но только оно обращено у них в попечительство. Поэтому в отношении взрослых к ребенку возникает небрежность, благосклонная или неблагосклонная, ощутимая — во всем, вплоть до неестественного и наигранного тона, в котором считают нужным говорить с молодым существом. И тут Иисус говорит: вы не принимаете ребенка потому, что он не может заставить признать себя. Он имеет для вас слишком мало значения. Так слушайте же: где есть то, что само не может утвердить себя, там — Я! Божественное рыцарство встает там, где есть то, что не умеет еще себя вывить, и заявляет: "Я вступаю за это!"

Теперь ребенок приобретает совсем новое значение. Он изымается из родовой оценки, видящей в нем только будущую жизнь, из оценки экономической, измеряющей все пользой и успехом, из оценки непосредственного чувства, которое ощущает его как продолжение собственного существования, а вместе с тем и как противоречие ему, как подтверждение и критику в одно и то же время, как невольно любимую новую жизнь, вышедшую из своей собственной, и вместе с тем как конкурента в существовании, который победит, потому что будущее за ним; из всей этой странной и сомнительной смеси, которая называется "любовью к ребенку", Иисус выделил новое отношение, говоря: ребенок — это возникающий христианин. Я принял ребенка настолько всерьез, что вступился за него Своей кровью. Отсюда его ценность. Знай же, что когда ты встречаешь ребенка, ты встречаешь Меня!

Вторая мысль: "А кто соблазнит одного из

малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской... Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что ангелы на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного”.

Ребенок беззащитен. Он не может защищаться от взрослых. Против их влияния, ловкости, опыта, более развитого мышления он не может устоять. В особенности тогда, когда взрослый — злой человек, когда он отравляет его мысли, мешает ему различать правое и неправое, вносит смятение в незащищенные детские чувства, разрушает стыд и благоговение. Ребенок не может сопротивляться этому. Тут Иисус говорит: остерегайтесь! Там, где вы видите всего лишь слабое существо, есть божественная тайна, нежная и святая. Кто ее затрагивает, совершает нечто столь ужасное, что для него было бы лучше, если бы его заранее обезвредили, как опасного зверя.

Наш текст представляет собой одно из немногих мест, в которых Писание говорит об охраняющем ангеле, приставленном Богом к человеку для оберегания в нем святости. Образ ангела-хранителя был тоже искажен, как с течением времени искажалось все великое в Откровении. Ангела превратили в своего рода невидимого надзирателя, оберегающего ребенка от того, чтобы он не упал с моста или не был бы ужален змеей. Из великолепно-страшного существа Писания сделали нечто сентиментальное, а иногда даже и двусмысленное. В действительности ангел — самое раннее творение Божие. Его существо полно невыносимой силой. Когда он является человеку, то его первое слово гласит: “Не бойся!” — а это значит, что он сам дает силу его вытерпеть. Он связан с Богом заботой о святине в порученном ему человеке, и он хранит его среди заблуждений, страданий и смерти... И вот Христос говорит: если захочешь затронуть эту святину в ребенке, то берегись! За ребенком стоит ангел, а он видит Бога. За ребенком открывается Бог. Если слишком близко приступишь к нему, то прикоснешься к чему-то такому, что непосредственно уводит в Божию сокровенность. Тогда тебе придется иметь дело со страшным противником. Правда, он молчит. Кажется, что ничего не происходит. Но однажды ты поймешь, что на самом деле произошло, когда Он стал твоим противником. Здесь проявляется святость достоинства беззащитного.

Наконец, третья и наиболее глубокая мысль: “Говорю вам, если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное”. Здесь дается определенное мерило. Чтобы получить возможность “войти в Царство Небесное”, мы должны стать “как дети”. Та-

ким образом, детскость есть состояние Царства Небесного.

Как, однако, злоупотребляли этими словами! Сколько сентиментальности, глупости, напыщенности, сколько человеческой и религиозной неполноценности стремилось за ними скрыться! Сколько слабости и приспособленчества оправдывалось ими! Сколько неспособности терпеть прямолинейных людей и неумения обращаться со зрелыми личностями! Необходимо, наконец, разобраться, что же означают слова Господа о детскости.

Что есть у ребенка такого, чего недостает взрослому человеку и что Иисус мог бы предложить ему в качестве образца? Конечно, не привлекательность милого дитяти. То было бы лирикой, до которой Иисусу нет никакого дела... Может быть, невинность? Но ведь ребенок совсем не невинен. Реализм Священного Писания и не думает называть ребенка невинным. Оно знает, как обстоит дело с человеком и что зло есть уже в “однодневном ребенке”. Ребенок уже несет в себе все дурное. Чаще всего оно еще дремлет в нем, но бывает порою уже весьма пробужденным и сильным. Ни один воспитатель, действительно серьезно относящийся к ребенку, не считает его невинным. “Невинное дитя” — это выдумка взрослых, старающихся найти место сентиментальному чувству своей собственной, будто бы прежде у них имевшейся, невинности. Таким образом взрослый услаждается самим собой — и услаждается властью, которой он обладает над этим трогательным существом.

Что же имеет в виду Иисус? Очевидно, противоположность тому, что в дурном смысле представляет собой “взрослый”. Этот последний стремится обеспечить себя и становится при этом хитрым и жестким. Ему страшно, а страх унижает... Ребенок же еще не знает инстинкта самосохранения, или, по крайней мере, не ощущает его с такой силой, — он живет со спокойной доверчивостью. Это внутреннее состояние исходит не от какой-либо заслуги, а от неведения, — тем не менее оно порождает чистое, неосознанно мужественное отношение к жизни.

У “взрослого” имеются цели, соответственные которым он изыскивает средства и их применяет. Он смотрит на вещи с точки зрения пользы и применимости и этим делает все несвободным. У него имеются намерения, — а ничто так не меняет существования к худшему, как намерение. Оно стесняет поведение и искажает действительность... У ребенка же нет намерений. Впрочем, мы преувеличиваем, — конечно, и у него бывают намерения, он хочет того или другого. У него бывает и страх. Вообще у него есть все, что есть у взрослого, так как взрослость начинается уже при первом вздохе. Но если мы слишком глубоко вдадим-

ся в психологию, то мы разрушим смысл притчи. Нам нужно выделить то, что важно для Иисуса, — а для этого правильным будет сказать, что ребенок пока еще просто встречается бытие. Вокруг него и по отношению к нему все может еще происходить свободно и вещи могут быть самими собой.

Во взрослом есть много неестественного. Он не оставляет жизнь такой, какова она есть, но обрабатывает ее. Мы называем это культурой. В ней содержатся большие ценности, — но за них приходится платить неестественностью и искусственностью. Перегородки повсюду встают между человеком и человеком, между человеком и вещью, они развиваются сами собой и приводят к тому, что жизнь больше не доходит до жизни, сердце больше не обращается к сердцу. Всюду стоят символы и одно заменяется другим, реальность вытесняется. Всюду мы действуем с оглядкой на что-то, а оглядка подбивает силу, делает человека осторожным и лишает его подлинности. Вокруг взрослого образуется искусственность. Ведь то, что называется воспитанием, в значительной степени представляет собой включение в этот искусственный мир. "Так не делают" — вот одно из первых педагогических изречений; его не может победить непосредственное чувство, хотя оно и обороняется. Безличная форма "не делают" — состояние самого существования, и кто же может противостоять такому состоянию, которое действует везде и нигде не уловимо?.. Ребенок же еще не искусственен. Он еще сама непосредственность, он есть просто он сам. Он высказывает то, что есть, и приводит взрослых в замешательство. Он показывает, что чувствует, и считается невоспитанным. Воспитанность в значительной мере заключается не в том, чтобы быть любящим, понимающим, бескорыстным, а в том, чтобы скрывать собственные чувства; поэтому в речах и в поведении взрослых много неподлинного и нечестного. В противовес этому ребенок прост и искренен. В этом нет также никакой заслуги. Он просто еще не ощущает сдерживающих сил, которые мешают взрослым быть самими собой. Его правдивость не прошла через испытание, — но она ладно и представляет собой живой упрек.

"Взрослый" все время возвращается к себе самому. Он размышляет о себе, испытывает себя, исследует, принимает определенную установку. В этом заключается серьезность существования, сознательность и ответственность, — но вместе с тем это ломает жизнь. Перед глазами и перед сознательным чувством взрослого стоит он сам, и это закрывает ему путь к вещам, к другому человеку, к миру... Ребенок не рассматривает сам себя. Движения его жизни направлены от него самого к сущему. Он открыт. Он держится правильно и видит

правильно, но не осознает этого, так как немного думает о себе самом. Потом, медленно, происходит перестановка пространства и открытость сменяется замкнутым пространством рефлексии и самоутверждения.

В этой установке ребенка коренится и его смирение, — то, что он, по Слову Господню, не вменяет себя во многое. Он не выдвигает вперед свое "я". Его сознание заполнено вещами, происшествиями, людьми, а не его личностью. Благодаря этому в его мире может открываться самое существенное, то, что заслуживает внимания. Мир взрослых полон несущественного, символики и замены одного другим, средств и средств к средствам, с горькой серьезностью воспринимаемых мнимых ценностей и пустяков. В мире ребенка находятся сами вещи, поэтому его и не удивляет то, что существенно. Удивляет и тревожит его, в сущности, только то, что исходит от взрослых и создает жесткость и узость.

Скажем еще раз: все это верно только до некоторой степени. Отбросив романтику детской невинности, мы не намерены впасть в другую романтику. Тем не менее здесь есть нечто, что, в общем и целом, отличает ребенка от взрослого, и ясно, что здесь именно это и важно. Оттого, что у ребенка нет искусственности, нет намерений, нет тревоги самоутверждения и есть открытость, он восприимчив к великому перевороту существования, который возвещается Христом, называющим его "Царство Божие". У взрослого человека это благовествование вызывает смешанные чувства. Его рассудочность возражает, что так быть не может. Его осторожность предвидит, какие последствия должны быть этим вызваны. Его самосознание восстает против этого. В своей закосности он упорно держится за свое. Он закрепился в своем искусственном мире, боится, как бы этот мир не подвергся потрясению, и поэтому не может понять. Его глаза слепы, уши глухи, сердце отупело, что и повторяет все время Иисус. Он — "слишком взрослый".

Иудейский народ, фарисеи и книжники, священники и первосвященники — какие они все "взрослые"! Вся ожесточенность и извращенность, все наследие греха устремляются навстречу тому, кто к ним присматривается. Как они стары! На полтора тысячелетия, до Авраама, восходит их память, — это такое историческое сознание, какое есть только у немногих народов. Мудрость от Божиего дара и от долгого человеческого опыта, знание, ум, исправность. Они исследуют, взвешивают, различают, обдумывают, — а когда Обетованный приходит, пророчество исполняется, долгая история достигает своего последнего смысла, они держатся за бывшее, цепляются за свои человече-

ские предания, ищут защиты себе в храме и в законе, они хитры, жестки, слепы, и великий час проходит. Божий Мессия должен умереть из-за тех, которые хранят Божий закон. На Его крови, на Его Святом Духе расцветает юное христианство, тогда как иудейство остается замороженным ожиданием Того, Который уже пришел...

Ребенок юн. У него есть простота взгляда и сердца. Когда появляется нечто новое, великое и избавляющее, он смотрит, идет к нему и вступает в него. Эта простота, это "природное христианство" и есть та детскость, о которой говорит притча. Таким образом, Иисус имеет в виду не нечто сентиментальное, нечто трогательное, не милую беззащитность и нежную привязчивость, но простоту взгляда, широту горизонта, способность чувствовать самое главное и принимать без задних мыслей.

В сущности, детскость означает то же самое, что способность веровать, взгляд на мир, при котором вера естественна и то, что исходит от Бога, не встречает препятствий.

Иначе говоря, это — нечто свято-великое; и ясно, что с этого можно начинать. Не напрасно в нашем тексте написано: "Если не обратитесь и не будете как дети..." Стать детьми — значит преодолеть "взрослость", обратиться и пере-

строиться от самого основания, — а это процесс длительный.

Детскость, которую имеет в виду Иисус, означает соответствие Божию отцовству. Ведь у ребенка все связано с отцом и матерью. Все доходит до него через них. Они всюду. Они — источник, мерило и порядок. У взрослого "отец и мать" исчезают. Со всех сторон его окружает лишенный внутренних связей, враждебный, безразличный мир. Отец и мать ушли, и родного места нет больше нигде. Для ребенка же везде и всюду есть Некто отеческий: Отец Небесный. Конечно, Он должен быть не изображением земного отца, увеличенным сверх натурального размера, но действительно "Богом и Отцом Иисуса Христа" (I Кор 1, 3), Тем, Который ясно выступает из Его слов и призывает вместе с Ним заботиться о свершении Его воли.

Дух детскости видит Отца Небесного во всем, что ему встречается. Но, чтобы это осуществить, необходимо переработать то, что происходит в жизни, простое сцепление обстоятельств претворить в мудрость, случайность — в любовь. Трудно осуществить это по-настоящему. Это есть "победа, победившая мир" (I Ин 5, 4). Стать ребенком, как это понимает Христос, — то же самое, что достигнуть христианской зрелости.

В. КОБЫЛИН

ТЮТЧЕВ

(1803 — 1873)

В этом году исполняется 180 лет со дня рождения одного из лучших поэтов России — Федора Ивановича Тютчева, и 110 лет со дня его смерти.

Тютчев был потомком знатного венецианца Дуджи, который переселился когда-то в Россию и породнился в потомстве с русской знатью. Поэт родился в родовом имении Тютчевых Овстуге, в Орловской губернии. Будущий поэт с детства отличался поразительной легкостью в усвоении знаний и увлекался античной поэзией. Одним из самых ранних его стихотворений был перевод "Послания Горация Мecenату". Этот перевод был представлен в 1818 году в Общество любителей Российской словесности, и Общество избрало мальчика четырнадцати лет своим членом.

В этом же году он поступил в Московский университет. В университете Тютчев, по отзывам своих сверстников, отличался "редкими, блестящими дарованиями", но в то же самое время — "нерадением и небрежностью".

Будучи в университете, Тютчев написал

"Урагию" и ответ на стихотворение Пушкина "Ода на вольность".

После окончания университета Тютчев поступил в ведомство иностранных дел и в 1822 году был назначен за границу, где пробыл около 22 лет. Но большой карьеры на дипломатическом поприще он не сделал. Для карьеры не хватало в его характере практических волевых черт государственного человека. Первые 14 лет Тютчев провел в Мюнхене. В то время, то есть до объединения Германии и Италии, немецкие королевства, герцогства и княжества точно так же, как и итальянские небольшие государственные образования того же стиля, поддерживали дипломатические отношения с Российской Империей, как и с другими государствами. Тютчев и служил в Российском посольстве в Мюнхене, столице Баварского королевства, где царствовала династия Виттельсбахов, старейшая в Европе. Там же он и женился в первый раз на немецкой графине. В Мюнхене того времени духовная жизнь была очень интенсивна. Тютчев

встречался с Шеллингом, с наезжавшим в Мюнхен Гейне и со многими немецкими учеными и поэтами того времени.

В 1835 году Тютчев передал тетрадь своих стихов кн. Гагарину для напечатания на родине. Гагарин передал тетрадь кн. Вяземскому и Жуковскому. Оба поэта пришли в восхищение и показали стихи Тютчева Пушкину. Пушкин издавал в то время журнал "Современник", и в третьем номере журнала в 1836 году появились стихи Тютчева под заглавием "Стихотворения, присланные из Германии", с инициалами Ф. Т.

Через год Тютчев был переведен по службе в Турин, столицу Пьемонта, и еще через год умерла его жена. Тютчев тяжело переживал смерть жены: по словам современников, "он поседел и был в состоянии, близком к отчаянию". Но уже меньше, чем через год, Тютчев женился во второй раз на немецкой баронессе. Обе его жены ни слова по-русски до женитьбы не говорили. Вскоре Тютчев был уволен со службы за самовольную отлучку. Вплоть до отъезда в Россию Тютчев написал только два стихотворения, напечатанные опять в "Современнике": "С какою негой" и "Есть в светлости осенних вечеров". Приблизительно в то же самое время он написал памфлет — ответ на появившуюся тогда книгу Кюстина.

Вернувшись в Россию, Тютчев обосновался в Петербурге, где он опять поступил на государственную службу. Он был назначен старшим цензором при Министерстве иностранных дел. Часто рискуя служебным положением, он отстаивал авторов. О нем говорили, что он "не арестантский, а почетный караул" держал при русской мысли.

В Петербурге Тютчев снискал общее благоволение как человек и поэт. Но писал он в это время мало, и только политические события 1848 года разбудили его творчество. Его статья "Папство и римский вопрос", помещенная (без его ведома) в "Ревю де монд", обратила на себя внимание широких кругов Западной Европы.

В это время он познакомился с классной дамой института, где воспитывались его дочери, Денисьевой. Это знакомство сыграло исключительную роль в его жизни. Его поздняя влюбленность ставила его в ложное и тягостное положение. После двукратной женитьбы на немках его чувство к русской женщине было взаимным и сильным. Но из-за своего характера — нерешительного и слабого, Тютчев не решился "разрубить узел". Тютчеву было почти пятьдесят лет, когда завязался этот его роман. К этому времени относится его известное стихотворение —

"О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней!

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней...
Полнеба охватила тень,
Лишь там, на западе, брезжит сиянье.
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье".

Это "очарованье" длилось четырнадцать лет и причинило молодой женщине "злую боль ожесточенья, без отрады и без слез" и раннюю смерть.

Тютчев тяжело переживал свою вину и никогда не оправился от полученного удара.

"О, Господи, и это пережить! — И сердце на клочки не разорвалось!"

Его последние стихи еще лучше ранних. Он писал по этому же поводу:

"О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей".

В период наступающей старости Тютчевым были созданы его лучшие вещи: "Весь день она лежала в забытии", "Есть и в моем страдальческом застое", "Ночное небо так угрюмо", "Как хорошо ты, о море ночное..."

После двух ударов — в январе и в июне 1873 года, Тютчев не мог оправиться и 15-го июля того же года скончался.

И. С. Аксаков, который составил биографию Тютчева, так характеризует его: "Ум сильный и твердый при слабодушии и при бесилии воли, доходивших до немощи... Ум зоркий и трезвый при чувствительности нервов почти женской, раздражительности, воспаленности... Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы, при совершенной неспособности к действию... Ум постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно-проникновенный... Душа ненасытно жаждущая наслаждения, волнений, рассеяния, страстно отзывавшаяся на впечатления текущего дня. Дух — мыслящий, неуклонно сознающий ограниченность человеческого ума... Это был пламень, мгновенно пожиравший всякое встречавшееся ему или им самим творимое явление мысли и непрерывно сам от себя возгоравшийся".

Тютчев был несомненно блестящим человеком, им восхищались все его современники, его остроты повторялись, и его письма ходили по рукам в списках, как и его памфлеты. Всем импонировали его душевная чистота, благодушие и полное пренебрежение к славе, почестям и к земным благам.

В разговорах Тютчев предпочитал беседу на французском языке, хотя владел он русской речью с мастерством изумительным. Но привычка светского человека и дипломата брала свое.

О Тютчеве говорили, что он "дипломат, пе-

тербургский остряк, цензор-чиновник, хилый старик, беспомощный, почти безвольный, преобразался только внутренним светом поэзии”.

Будучи по своей природе консерватором, Тютчев, как, впрочем, и другие большие русские поэты (Пушкин, Лермонтов), предвидел будущее как нашу национальную катастрофу: “Нас ждет таинственный мир, может быть, целый мир ужаса, в котором мы вдруг очутимся, даже и не приметив нашего перехода...” “Целые царства и поколения будут перемолоты...” “Ах, сколько призрачного в том, что мы зовем действительным!”

У Тютчева есть призывы к борьбе с революцией, осуждение Наполеона, осуждение декабристов, осуждение польских повстанцев. Его мысли о всемирной христианской монархии навевали Владимиру Соловьеву мечты о всемирной теократии. Но все эти планы оказались разбитыми: России первой пришлось пережить часы крушения, отождествить себя с хаосом, чтобы... преодолеть его.

Тютчев полагал, что удел России — в религиозном смирении. Он писал: “Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной долготерпенья, край ты русского народа”. Но сам Тютчев ценил эту поэзию только умом — душа его тянулась к бездне.

“Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных.
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них”.

Тютчев далеко опередил свою романтическую, юношескую для России эпоху. Минувя натурализм и пушкинский художественный реализм, он перенесся к символизму. Оттого его стихи казались в пушкинские времена сумбурными и темными, но они же возбудили восторг позднее. Тютчевские стихи повернули всю русскую поэзию к символизму.

Для Тютчева весь мир полон символов, “звездных намеков”. “Мысль изреченная есть ложь”. Все, что кажется таким ясным, обманчиво. Древний хаос не до конца побежден в мироздании: он вечно прорывается — и “воем ночного ветра и безумием человеческой страсти”.

“И мы плывем, пылающе бездной
Со всех концов окружены”.

Ощущение хаоса — основная тема тютчевской поэзии.

“О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги!

О как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия”.

Но Тютчев был и высшим олицетворением русской культуры. Никто из наших писателей, пожалуй, не может соперничать с Тютчевым по блеску и зрелости его душевного опыта, по его изысканности. Тютчев был подлинным европейцем и в то же самое время убежденным националистом. Но при жизни Тютчева не оценили: он считался дилетантом, светским человеком, небрежно ронявшим намеки на поэзию. Прошло много лет, пока люди поняли, что в этих намеках и обрывках — необыкновенная красота.

Но уже Тургенев говорил, что у Тютчева — “соразмерность таланта с самим собою и ответственность его с жизнью автора, присущие только великим дарованиям”.

Владимир Соловьев сказал, что “земной день для Тютчева — только золотой покров, брошенный на мстительный, непокорный хаос”.

Тютчев умел радоваться мимолетной красоте жизни: “Какое лето, что за лето, да это просто колдовство!” — “Как сладко дремлет сад темнозеленый, обаятый негой ночи голубой...”

Творчество Тютчева сплелось с его личностью и выражает его думы, переживания и его жизненную философию. Они были разнообразны и даже противоречивы, оттеняя многогранность его личности. Своеобразие его стиля выражается в частом воспроизведении как душевных переживаний человека, так и стихийных явлений природы. Тютчев всегда утончен, и его влечет к отвлеченному.

“Увы, что нашего незнания
И беспощадней и грустней?”

Мировоззрение Тютчева выражается в одной строчке:

“Все во мне и я — во всем”.

Искание высшего смысла он выразил в одном из лучших своих стихотворений:

“Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезой природы”.

В этом кратком очерке хотелось отметить годы рождения и смерти одного из самых больших русских поэтов — Федора Ивановича Тютчева.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

“Наша Страна”. Если кто в разговоре вместо **Юлий Цезарь** скажет **Жюлий Сезар** или **Джулий Чезар**, то нам ясно, что человек не принадлежит к российской интеллигенции; либо это — иностранец, худо владеющий нашим языком, либо — русский, воспитанный за границей и чуждый отечественной культурной традиции. В передовице в №1701, под названием “Мысли вслух” (думал бы автор про себя!), благоразумно подписанной инициалами, нам сервируют латынь кириллицей, — и какую! “Уби сосиетас, иби юс”; с пояснением, что **сосиетас** происходит от **сэкенс**. В России испокон веку слова эти произносятся **социетас** и **секвенс**. Взвесил бы г-н И. А., что мы говорим **социальный**, а не **сосиальный** (последнее и пресмешно звучало бы, ассоциируясь с соской и сосиской). Статья на высоко философские темы, с цитатами из русских и иностранных мыслителей и филологическими сведениями (что, мол, древние римляне некогда выговаривали **сокиетас**; оно и верно, да не к делу), не выигрывает от акцента (испанского?), коим обременен составитель. Вот и Д. Ржанов в №1707 рекомендует редакции предоставить сотрудникам неограниченную свободу в области грамматики и орфографии. Опасный путь! Хочется перефразировать предостережение Онегина Татьяне:

К беде распушенность ведет.

“Русская Мысль”. Справа и слева компетентные лица настойчиво просят газету не публиковать больше Г. Адамовича; а уж средний читатель его всегда терпеть не мог! Но его, знай, печатают... Что за причина сему упорству? И ведь что помещают! Заметочки из “Записной книжки”, полные самым развещающим атеизмом... Хотя “Парижская (pardon, “Русская!”) Мысль” и норовит демонстрировать свое почтение к религиозным ценностям... Идейки Адамовича, впрочем, — плоски допределно. На прозрения мистиков, на откровения Священного Писания он реагирует хихикающими пошлостями в стиле: “А кто это видел? Кто пощупал?”; вчистую на манер большевиков, вопящих, что Титов и Гагарин в стратосфере ни Бога, ни ангелов не обнаружили. Безбожие его на уровне распропагандированных советским режимом рабфаковцев 20-х годов (каких мало и осталось). Нигилистов такого типа еще при их рождении заклеимил навеки А. К. Толстой:

Все, чего им не взвесить, не смерити,
То, кричат они, надо похерити.

Словно бы русскоязычный еженедельник во

Франции предназначался не для образованной в массе публики, а для каких-то провинциальных извозчиков. В наше время, — когда, кстати отметить, ученые начинают нечто потустороннее если не ловить в микроскопе, то находить в точных физических и химических расчетах, — подобные рассуждения суть подлинный плевок в лицо подписчикам и покупателям, которых издатели принимают за идиотов. Суть вопроса, однако, не в биологии или математике. Ответим лучше богохульнику мудрыми словами Мицкевича:

И не видит того твое око,
Что из нас каждый сердцем поймет.

Г. Адамович опять же относится к числу людей, у которых вопрос еще, бывает ли вообще сердце; к числу тех, кому — с простой человеческой точки зрения — чего-то явно не хватает. Мы бы не стали тревожить его прах; но нам его выносят — и сколь навязчиво! — на почитание. И тут уж мы принуждены отказаться преклонять колени перед затхлыми шестидесятическими кумирами, о коих хочется воскликнуть:

Вы — как повапленные гробы!

“Новый Журнал” №148. Украшение номера составляют 4 стихотворения М. Волковой, одного из лучших (если не лучшего) из ныне здравствующих поэтов русской диаспоры, и известного далеко менее, чем бы следовало. Жаль только, что они все принадлежат к одному жанру ее более поздней лирики, философского и отчасти пессимистического оттенка; тогда как в целом на палитре ее творчества имеется и много других цветов.

Из небольшого стихотворения М. Крепса запоминаются особо две дивные строчки есенинского звучания:

И во всей сиреновой России,
Где от тайн кружится голова.

Р. Гуль, в очередном отрезке мемуаров, описывает судьбы русских театра и музыки во Франции. Касаясь цыган и гонения их немцами, он вполне справедливо указывает, что цыгане — более бесспорные и чистые арийцы, чем сами немцы. Отрицать невозможно: они сейчас говорят на одном из индусских диалектов.

А. Опульский рассматривает значение Герцена как писателя, как художника. К списку ценивших его именно в этом разрезе авторитетов, помимо названных тут Достоевского и Серно-Соловьевича, нужно бы причислить и А. К. Толстого, тоже хвалившего его за беллетристические сочинения.

Этюд А. Осиповича о Достоевском, с опровержением создававшихся о нем годами сплетен и клеветы и показом их возникновения в атмосфере литературных склок и ссор, принадлежит к лучшему в номере.

В продолжении "Хроники распада" Ю. Карцева надлежит внимательно различать между правдой и субъективными отзывами мемуариста, часто резко и небеспристрастно судящего то о членах Династии, то о государственных деятелях, включая таких замечательных, как граф Витте!

Г. Андреев интересно рассказывает об интригах и конфликтах среди солидаристов в годы после второй мировой, но даже сейчас не решается ни называть имена, ни уточнять подробности (что сильно вредит его изложению). Еще любопытнее его воспоминания о работе на американском радио, про которое он констатирует: "Станция как будто была создана с определенной целью — борьбы с коммунизмом, — а американские советники затрудняли и саботировали эту работу". В результате же получались только увертки недоговоренности.

Иг. Г. Эйкалович разбирает сложные и важные вопросы, связанные с религиозными воззрениями Мережковских, Бердяева, Блока и некоторых иных их современников. В виду обширности предмета затруднительно тут дать хотя бы и краткий анализ статьи; но ее животрепещущий интерес несомненен.

Маленький очерк Т. Пахмусс о Борисе Нарциссове ставит, но отнюдь не разрешает и не исчерпывает основные проблемы творчества крупного и своеобразного поэта (о недавней смерти которого мы с грустью слышим), да и не со всеми ее оценками можно согласиться.

И №149. И здесь выше всего стихи М. Волковой. Но, увы! За недолгое время, пока я от одного номера перешел к другому, я узнал об ее смерти. Так трагично звучат теперь ее мужественные слова:

Не страшно то, что нет продления срокам.

Что же до других, завершающих это же стихотворение:

О, если бы дойти до края бездны,
Не причинив страданий никому! —

остается сказать, что, наверное, она, человек исключительного благородства, редко причиняла людям горе; но ее кончина — большое, тяжелое горе для всех ее друзей... К ним она причисляла и меня; чем я не могу не гордиться.

С грустью наблюдаешь усыхание в "Новом Журнале" отдела беллетристики. Кроме окончания длинного рассказа тоже уже покойного теперь Ю. Кроткова, — о котором не будем говорить: *de mortuis nihil nisi bene*, — налицо только картинка из быта беспризорников

В. Писарева "Кизиловое дерево". Неужели нет материала совсем у литераторов доновой эмиграции? Верится с трудом...

Оригинально начинается стихотворение Ю. Иваска:

Простите, если можете, простите
За втайне пожираемый чеснок.

Прощаем охотно. Пусть себе кушает на здоровье! Можно и за дальнейшее:

За то, что я жилец, а не мертвец.

Это ведь временно. Но вот с чем не можем согласиться:

Хуже
Везде, где не было еще меня.

Право же, ничуть!

Письма Б. Зайцева И. Бунину, как и прежде, малосодержательны и часто просто скучны. Очерк С. Пушкарёва "О русской эмиграции в Праге" интересен был бы по сюжету, но вял по выполнению.

В отделе публицистики есть две подлинно яркие вещи: статья В. Пирожковой "Легенды о Сталине", перепечатанная из №25 "Голоса Зарубежья", и отрывок из книги И. Мацкевича "Победа провокации" под заглавием "Существует ли еще Россия?" Откуда выпишем еще одну фразу: "Советский Союз — это не продолжение, а противопоставление прежней России".

"Вестник Р.Х.Д." №137 посвящен почти сплошь, на наш взгляд, превратной задаче: выдвинуть В. Шаламова в конкуренты А. Солженицыну, под предлогом, что у него лагерные ужасы еще страшнее. Но тем-то Солженицын и выше, что сумел оные показать художественно, как бы их преодолевая; и потому следуя правилу: "Ударь раз, ударь два; но ведь не до бесчувствия!" Нельзя, впрочем, и незачем было бы преуменьшать жестокий талант покойного автора "Колымских рассказов"; но — каждому свое место...

Сам Солженицын представлен на сей раз дополнениями к "Теленку". Об описании выборов в швейцарском кантоне Аппенцель заметим: швейцарские нравы хороши для швейцарцев. Да и то: чем особенно восхищаться? Избирают свое управление и "отказывают ему во всех основных законопроектах": повысить налоги, даровать гражданство иностранцам, уже давно живущим в кантоне. Тупой, косный эгоизм ограниченных обывателей... Насчет же полемики (в другом отрывке) с советским борзописцем В. Лакшиным, удивляешься: стоит ли спорить с такой мразью?! Хотя понятно возмущение большого человека перед ложью, подлыми передержками, искажением цитат... Из последнего отрывка, с воспоминаниями о Твардовском, выделим особо одну строчку, касающуюся 3-ей волны: "Теперь эмигрант-

ская литература соскользнула в самолюбование, в капризы, в распущенность..." Оценка, увы, совершенно справедливая...

"Наши Вести" №389. Журнал начинает допускать неприятные орфографические небрежности. Вместо Брюсов почему-то набрано (многократно!) Брюссов. Цитируемый парагвайский журнал назван "Эл Орден", тогда как по-испански твердого л нет, а артикль мужского рода всегда передается по-русски эль (в фамилиях, прозвищах, географических именах и т.п.): Эль Кано, Эль Греко. Вообще же в названиях всюду употребляются в журнале чисто советские сверхмодерные написания: Хельсинки, Венесуэла, Лос Анджелес (а не Гельсингфорс, Венецуэла, Лос Анжелос), что не радует, отнюдь. Наиболее интересна в номере статья И. Г. Эйкаловича о Гоэне-Вронском и А. Чарторийском. Продолжение статьи Н. Протопопова "Солженицын и Белый Дом" превосходно, как и начало.

"Форум" №1. Материалы здесь различного качества. Безымянный очерк "Волнения в Грузии" содержит ценные данные о национальных требованиях тамошнего населения. Требования эти, в основном, — умеренные, трезвые и в принципе исполнимые в рамках имперской (но не советской!) России: расширение роли грузинского языка и преподавания истории Грузии, уважение к историческим памятникам, удовлетворение религиозных запросов народа. Отметим мимоходом употребление в очерке несколько раз формы туристический (туристическое путешествие), а не навязываемой нам ныне некоторыми третьеволновиками туристский (те же, именно, ссылаются всегда на господство будто бы этой последней в СССР!). Наоборот, неправилен и недопустим оборот: "Освободите Маркозию!" вместо Маркозию (винительный падеж Маркозия предполагает именительный Маркозий).

И. Клейнер пытается нас уверить будто бы все еврейские погромы на Украине при Петлюре устраивались... русскими черносотенцами! С больной головы, да на здоровую... В реальности массовые погромы вообще имели место главным образом на территориях с украинским, реже с белорусским или молдавским населением, и никогда с великорусским, на каких евреев жило мало. Клейнер защищает украинцев от обвинения в антисемитизме; но неправда — плохой способ оправдания! Бесспорное наличие враждебности к евреям у украинских крестьян, частично и интеллигентов, объясняется (хотя и не извиняется) историческими причинами, многовековой борьбой между поляками и малороссами, католиками и православными, куда были волей-неволей втянуты и евреи. Был ли Петлюра лично юдофоб или нет, погромы при нем нашумели вдвойне. Впервые от Клейнера слышим, что его

убийство Шварцбардом подстроили большевики... И, во всяком случае, евреи о нем, вроде бы не плакали.

Анкета журнала "Альтернатива" среди советских граждан, видимо, переведена в "Форуме" с французского или английского, — и плохо! Смешно читать: "Грузчик... мужского пола; студентка... женского пола". Если женщина себе выберет тяжелое ремесло грузчика, то будет грузницей, а студентка никак не может претендовать на мужской пол! Ценность анкеты, полагаем, невелика: чтобы судить о настроениях в СССР, нужно бы опросить не десяток, а минимум сотни, если не тысячи персон.

Воспроизводя прекрасное письмо Солженицына Рейгану, "Форум" сопровождает его нелепыми комментариями К. Любарского. Публика легко разберется, кто из них прав.

Глубоко отвратителен псевдоисторический этюд И. Глузмана "В мире Филофея". История нужна автору лишь как предлог выражать свою истерическую ненависть к России и православия, свое желание их оплывать, растоптать и уничтожить. Сохрани Бог (да и можно ли себе представить?), чтобы кто-либо из нас стал так издеваться над чужой верой: иудаизмом, исламом, буддизмом! И как он близок к большевикам, — хотя и с другого конца! Разумеется, ничего дельного о творце учения о Третьем Риме он не говорит и сказать не в состоянии. Читателей, которых данная проблема занимает, позволим себе отослать к ортодоксальным и серьезным работам Н. Ульянова и Н. Андреева.

Открытое письмо редакции журнала "Континент", подписанное группой левых диссидентов в Советском Союзе (П. Подрабинек, В. Гершуни и др.), содержит жестокие упреки, частью бесспорно справедливые (например, защита К. и Л. Чуковских от нападок Н. Горбаневской). Сдается, правые диссиденты нашли бы еще больше, что сказать; но... или они не хотят усугублять разногласия, или их голос за границу не в силах прорваться.

"Континент" №33. Похоже, М. Джилас создан скорее для роли беллетриста, чем политика! Его отличный рассказ "Чужие времена" близок к "Фальшивым паспортам" Ш. Плинье, романам А. Кестлера и сочинениям других кающихся коммунистов. Заняты корни психологии его, профессионального террориста, югослава на службе у Сталина; он вспоминает, как его когда-то арестовали за причастность к "Черной Руке": "И хотя король объявил амнистию — злость во мне осталась: ненавижу короля Александра, я возненавидел и монархию, а с ней и весь порядок".

К сожалению, перевод Горбаневской — не на высоте. Текст не всегда и понятен. Что это за горькое кофе заказывают и пьют приятели за душевным разговором? По-русски бывает

черное кофе и кофе без сахара; а про специальный сорт горького что-то мы не слыхали. Салонический фронт сказать нельзя; надо салонический. И неужели служанка у сербского писателя в Белграде — словачка? Уж не словенка-ли? Вовсе неправильно построена фраза о наблюдении коммунистов над интернациональными бригадами: "Чтобы туда не проникли шпионы и пролезли троцкисты". Следовало: не пролезли; а то весь смысл искажен. К переводчику художественных произведений можно предъявлять требования выше или ниже. Но, минимум, — он должен знать язык, с которого он переводит, и язык, на который переводит.

"Пережиток" А. и Л. Шаргородских — забавный еврейский анекдот с хитрыми перипетиями; невольно ищешь указания: "переведено с идиш" (тем более, что в нем встречаются жаргонные слова, русскому даже и невразумительные).

Что до стихов, из авторов их заслуживает упоминания только Е. Андропова.

Ю. Фельштинский прав, защищая Солженицына от недобросовестных атак левых публицистов. Но не все в его методе защиты удачно и симпатично; так, он горячо отрещивается и отмежевывается от монархистов и от власовцев, от имени Александра Исаевича, который сам по этим пунктам никогда столь решительно не высказывался.

Антирусская статья самостийника В. Гришко должна бы ставить перед русскими сотрудниками "Континента" вопрос о допустимости работать в журнале, печатающем этикие опусы, не впадая в национальную измену. Ненавистни-

ки России не могут быть союзниками русских патриотов.

К. Померанцев оказывает скверную услугу памяти Г. Иванова (напрашивается даже сомнение, имел ли он на то право?), предавая гласности его просоветское стихотворение, сочиненное в годы патриотического угара после конца войны, которое тот сам нигде печатать не пожелал. В тот момент — ах, сколь многие парижане из старой эмиграции поддались красному безумию! В наши же дни, — абсолютно неприлично выглядят строки:

Россия русскими руками
Себя спасла и мир спасла.

Так и лезет в голову для нашего и особенно для будущего времени переделанный вариант:

Россия русскими руками
Себя сгубила и весь мир.

Чех И. Шкворецкий разбирает жгучую тему о соотношении между физическими и душевными ненормальностями, с одной стороны, и пристрастием к тоталитарным идеологиям, как коммунизм и фашизм, с другой. Проблема важная, увлекательная и удивительно мало разработанная. Все, что автор говорит, — умно и верно; но, опять же, — далеко недостаточно. А прочесть — рекомендуем всякому!

Р. S. Вновь извиняюсь перед читателями: за ошибки в прошлом "Обзоре". Худшая из них — дети подкультуры вместо полукультуры. Досадно и то, что где речь идет об Эткинде, чересчур почтительно поставлено их промахи вместо его. Остальное, — надеюсь, читатель сам заметил и мысленно исправил.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

24 апреля 1983 года, Бостон.

Многоуважаемая редакция!

Прошу поместить мое письмо на страницах очередного выпуска журнала.

С некоторым опозданием я прочел статью Мацкевича в 27-м номере "Голоса Зарубежья" и не могу не выразить своего удивления тоном и теми намеками, которые автор делает в отношении А. И. Солженицына (стр. 25-26). Я должен указать, что, по моему мнению, высказывания Мацкевича о Солженицыне совершенно несостоятельны.

Солженицына не "выпустили" из СССР, а выслали. Его архив был тайно вывезен из Советского Союза*. До "вершины славы", к сведению Мацкевича, Солженицын дошел не на Западе и не потому, что его выслали, а потому, что еще в России стал ее великим писателем. Если автор этого не знал, то редакция обязана была его поправить. Туманные параллели, которые проводит Мацкевич между "словами Солженицына" и "словами агента Москвы", не могут вызвать ничего, кроме крайнего возмущения. Что же касается существа выдвинутых против Солженицына "обвинений", то мне хотелось бы привести одну цитату из самого Солженицына:

"Коммунизм — это отрицание жизни, это — смертельная болезнь страны и смерть всего человечества, и — нет на Земле страны с иммунитетом против коммунизма. Исправить или улучшить коммунизм нельзя. С ним можно только покончить (разрядка моя, — Ю. Фельштинский) — совместными усилиями многих народов, угнетенных им".

Этими строчками заканчивается статья "Как коммунизм калечит народы", написанная А. И. Солженицыным в сентябре 1982 года для токийской газеты "Йомиура".

Юрий Фельштинский

* Насколько нам известно, архив А. И. Солженицына был вывезен не тайно, но доказательств у нас нет, да мы и не считаем этот вопрос важным. (Прим. ред.)

ДОРА ШТУРМАН МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

560 стр. Цена 9 англ. фунтов.

В первой части этой книги, озаглавленной "Победа и крушение Ленина", рассмотрены миропонимание, этика и деятельность Ленина в 1917–1923 г.г. Во второй части, которая называется "Николай Бухарин — любимец партии", исследована альтернатива "Сталин–Бухарин". Третья часть книги называется "Читая Троцкого". На примере Троцкого легче всего выявляются и прослеживаются основные черты классического марксизма. Троцкизм представляет собой сегодня активное направление международной коммунистической мысли и деятельности, успешно используемое Советским Союзом. Поэтому восстановление истинного миропонимания, психологии и поступков Троцкого особенно злободневно. Источниками для написания этой книги послужили преимущественно сочинения, речи и письма Ленина, Бухарина и Троцкого, а также исторические документы, связанные с их деятельностью. В книге использованы многочисленные свидетельства современников описываемых событий. Несмотря на всю документированность книги, изложение носит характер очерково-публицистический, а не строго академический. Сохранен живой колорит событий, уделено существенное внимание психологической подоплеке поступков главных персонажей исторической драмы 1917–1930 годов. События рассматриваемой эпохи соотнесены с современностью.

Во всех русских книжных магазинах и в издательстве
Overseas Publications Interchange Ltd.
8 Queen Ann's Gardens GB London W4 1TU

• • • • •

ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ ПОБЕДА ПРОВОКАЦИИ

Перевод с польского
Галины и Сергея Крыжицких

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
Лондон, Канада
1982

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

